

Георгий Ланской

Фортуна – дама капризная. Сегодня грязь – завтра князь, сегодня пан – завтра пропан.
Именно об этом романа талантливого писателя и журналиста Георгия Ланского.
Оторваться от чтения невозможно!

Ваш Олег Рой

**ЗВЕЗДА
ВТОРОГО ПЛАНА**

Георгий Александрович Ланской

Звезда второго плана

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6344702
Георгий Ланской. Звезда второго плана: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67092-5

Аннотация

Марина приехала в Москву делать музыкальную карьеру. Пробиться в столице нелегко, но упрямая провинциалка не сдаётся и готова зубами прогрызть себе путь к славе. Тем более что перед её глазами пример бывшего приятеля Димы Белова, ныне победителя Евровидения, звезды первой величины. Марина всерьёз считает, что небожителям придется потесниться. Есть ли предел тому, на что можно пойти ради достижения своей цели?..

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Георгий Ланской

Звезда второго плана

Все события, описанные в этой книге, вымышлены. Любое сходство с реальными людьми случайно.

Часть 1

Вечер был влажный и какой-то противный. Впрочем, это не удивляло. Осень все-таки. Нестареющая певица все пела о том, что на дворе засентябрило, Марина слушала песню, ежилась и мрачно озиралась по сторонам. Когда уже можно будет войти внутрь?

В том, что на дворе «засентябрило», пока не было ничего ужасного. Ну, осень, да, и листочки уже кое-где тронулись желтым и красным дымом, а по вечерам от Москвы-реки веет уже не прохладой – холодом, сырым, пробирающим до костей. Но днем солнышко греет по-летнему, позволяя одеваться легко. Днем жизнь играет красками – уже размытыми дождями, но все еще яркими и живыми. И город – громадный, мощный, раздирающий небеса высотками и шпилями, живет, дыша полной грудью.

А дальше что?

Марина поглядела на закрытую дверь и обхватила руками худенькие плечи.

Рано.

Народ еще не вкусил всех прелестей вечера, охрана бдительно проверяет каждого приглашенного. О халяве нечего думать.

Как же курить хочется, блин...

Сигареты кончились утром, и купить было не на что. В сумочке – карточка на метро, немного косметики и нехитрый реквизит, служащий пропуском в рай. Возможно, прокатит, возможно, дадут от ворот поворот. От реки несло сыростью. Марина мельком взглянула на телефон.

Рано... Рано...

Стоять в тоненьком платьице без рукавов, с юбочкой, едва прикрывавшей попку, было холодно, но выхода не было. Не тащиться же сюда в куртке, тогда точно все труды пойдут прахом...

Как же холодно!

Почему-то все модные вечеринки в Москве называли исключительно «пати». В приглашенных, валявшихся потом на подоконниках, столиках или полу, это самое «пати» обозначалось выполненным латиницей словом «party». Марина по своей дремучести даже читала его раньше как «парты». Это потом, обзаведясь светским московским лоском, она научилась небрежно бросать: «Были вечером в «Махаоне» – вообще тухляк...»

Самое интересное, что ей верили.

Правда, недолго. Девочки нынче пошли продвинутые, о модных тусовках узнавали быстро. Так что играть светскую львицу приходилось в основном перед случайно затесавшимися в компанию провинциалками, разевавшими рот в ГУМе, потому как другие, заматеревшие в борьбе за теплое место подруги, лишь многозначительно кивали, подхватывая: «Да, «Махаон» тухляк, надо было ехать в другое место...» О том, как попадали в эти модные места, старались не упоминать.

Двери клуба приоткрылись, выпустив стайку разновозрастных людей. Заведение было более-менее приличным, попасть туда без приглашения просто так не вышло бы. Марина переступила ногами, но с места не двинулась.

Рано...

Конечно, пригласительного у нее нет. Она давно наловчилась проникать в подобные заведения без него. А что делать, если в кармане сорок рублей, в холодильнике – пакет с окаменевшими специями и полпачки маргарина, а на последних выходных туфлях отламывается каблук. Заметит кто – позору не оберешься. В животе урчало еще с утра. Марина душила голод сигаретами, но и они кончились.

Народ на крыльчке курил, похохатывая и что-то оживленно обсуждая.

Из разговоров было понятно: отмечают не то юбилей, не то еще какое-то важное событие. Прячась от любопытных глаз, Марина зло стиснула зубы. В конце концов, чем она хуже их?! Тем, что угораздило родиться в глухой провинции, в семье простых бюджетников? Так это не ее вина. От злости в животе заурчало еще сильнее. Оценив хохочущих буржуев, Марина подумала: рано... Мало выпито, они еще не окончательно окосели, чтобы принять девчонку в платьишке с ближайшего рынка за свою.

Народ шел мимо, обтекая ее со всех сторон. Некоторые поглядывали с легким удивлением: не глупость ли стоять в таком платье на ветру, но интерес угасал так же быстро. У каждого полно собственных забот. Мало ли чего она тут стоит уже битый час? Может, клиента ждет, вон как размалевана...

Фонари горели жирным светом, напоминавшим тот самый заветренный кусок маргарина в холодильнике. От него было неуютно глазам. Марина отвернулась от ярких вспышек неоновых реклам. Чтобы отвлечься, Марина стала вспоминать.

Последние два года в Москве единственным более-менее благополучным оказался период, когда они снимали квартиру вместе с Димкой. Студентик музыкального училища некоторое время делил с ней нехитрый быт, подрабатывая то тут, то там. Сложенные вместе гроши позволяли и за квартиру платить, питаться и даже одеваться.

Бегать на пробы, конкурсы и прослушивания вместе тоже было веселее. Правда, их одинаково никуда не брали. Сколько в Москве таких, талантливых, настырных, из забытых богом мест! Марина видела их на прослушиваниях: голодных, амбициозных, одержимых желанием зацепиться за Москву хоть одним коготком.

Димке повезло.

Марина потеряла голые руки, со злостью вспомнив о бывшем соседе по комнате. Дима познакомился с сыном олигарха, а тот в свою очередь свел его с влиятельным продюсером, который мог сделать звезду из кого угодно.

Димка стал звездой через год.

Думать о нем Марине стало неприятно.

В голову лезли мрачные мысли: сапог на слякотную московскую осень у нее нет, и, наверное, придется просить родителей выслать денег; за комнатуху не заплачено уже два месяца, и со дня на день ее выгонят вон. А память ехидно подсунула картинку из телевизора: Димка на новой машине, донельзя пафосный, разглагольствовал о судьбах молодых исполнителей отечественной эстрады...

Это было уже чересчур!

Вечером почти на последние деньги она купила пару пакетов лапши быстрого приготовления, по привычке называемой «китайской», хотя производили ее в родном отечестве. Одну решила оставить на утро, вторую залила кипятком сразу. От острого духа псевдомясного бульона она едва не зарычала от голода. У Марины не хватило выдержки приберечь вторую порцию. Недолго думая, она съела все, утешая себя мыслью, что утром просто попьет чайку. Ночью, лежа на продавленном диване, она вспомнила, что чая тоже нет.

Гадство...

Над Москвой чернело небо. Где-то в его глубине мерцали звезды – настоящие, продюсировать их никому еще не пришло в голову! Немилосердный ветер дул в спину. Марина мельком подумала, что завтра наверняка сляжет с температурой.

Двери клуба снова открылись. На крыльцо высыпала новая стайка людей. Больше ждать Марина просто не могла. Она осторожно двинулась к ним, открыв по пути сумочку. Реквизит ждал.

Кажется, сегодня вечером она поест вволю.

Метод проникновения на подобные банкеты был давно отработан. Разумеется, для этой цели подходили отнюдь не все заведения и далеко не каждое мероприятие. Оптимальными были свадьбы, дни рождения, реже – корпоративные вечеринки, где все всех знали. Однажды Марина сытно пообедала на похоронах. Правда, несмотря на приятную тяжесть в животе, она долго чувствовала себя неловко, словно обокрала покойника.

Пользоваться халявой ее в свое время научил Димка, вечно голодный, тощий и нервный...

Для подобных вылазок подходили места, где охрана отсутствовала в принципе или же ловила ворон. И уж совсем не подходили те, где бдительные церберы не только пристально наблюдали за входом, так еще и на руку входящим ставили особый знак, видимый в ультрафиолете. Правда, подобные методы применялись чаще на дискотеках и в ночных клубах, а уж там поживиться чем-то, кроме чипсов и спиртного, нечего было и думать.

Марина вытащила из сумки заранее припасенный бокал и пакетик с яблочным соком, быстро перелила содержимое в бокал, вынула телефон и стала медленно продвигаться к лестнице, делая вид, что кому-то звонит.

Народу на крыльце было немного. То ли большинство предпочитало курить в кондиционированном пространстве, то ли в данный момент здесь собрались исключительно проповедники здорового образа жизни, но затесаться в толпу было трудновато. На ступеньках стояли мужчины в расстегнутых пиджаках, с ослабленными узлами галстуков, свободно лежащих на объемистых животиках. За маневрами Марины они наблюдали без особого интереса. Марина сделала вид, что набирает номер, краем глаза наблюдая за подвыпившими гостями.

– Привет, – сказала она в мертво молчащую трубку. – Да, я все еще здесь. Да... Нет, что ты, все еще в самом разгаре! Давай быстрее, я замучилась ждать...

В трубке царила тишина.

Никто и не думал отвечать. Марина со скучающим видом потыкала по кнопкам, включив в телефоне будильник, и небрежно сунула в сумку. Потягивая сок, она нарочито медленно пошла к дверям, как подобает подлинной леди: потупив взор, с вежливой улыбкой. Двери снова открылись, выпустив трех девушек в нарядных платьях. Телефон в сумочке истошно заверещал. Марина остановилась, достала мобильный и нажала кнопку, повернувшись вполоборота:

– Да... ой, привет! Ну, ты где? Да ты что... Нет, я сегодня, как лохушка, на папином «мерине». Да, с тех самых пор, как кокнула свою «Бентли»... Папик сказал, что больше не будет покупать мне такие машины, но куда он денется?! Нет, не видела, я из салона сразу сюда...

Марина хохотнула, тряхнула волосами и продолжила монолог, старательно изображая московский акцент, чтобы больше походить на коренную жительницу столицы. На короткий миг в голове промелькнуло: никто не поверит, что с такой гривой она только что из салона красоты. А потом откуда-то из кухонного окна ударила целая струя волнующих запахов...

«Мясо, – с тоской подумала Марина. – И картошечка... Господи, вкуснотища какая...»

Девыцы на крыльчке курили, щербча, как заморские тропические птички, переливаясь в великолепии фирменных прикидов. От платьев за версту несло большими деньгами. Собственный наряд мгновенно показался Марине линиялой дешевкой.

«Наверняка платьишки их хахали купили, – зло подумала она. – Я бы тоже могла так выглядетъ, если бы подцепила нефтяного магната».

Злость, подогреваемая голодом, внезапно охватила ее до кончиков продрогших пальцев.

В конце концов, чем они лучшее ее?!

Красивее? Да нисколько! Да, более ухоженные, как ленивые персидские кошки, чья миссия – украшать диванные подушки. Талантливее? Вряд ли. Она – певица, и даже несколько раз выступала в ночных клубах с собственным репертуаром. Вряд ли эти кошелки смогут вытянуть хотя бы пару нот...

Девушки все болтали, держа в наманикюренных пальчиках тонкие сигаретки. Марина почувствовала, что окончательно замерзла, и вцепилась в бокал с соком. Вспомнилось, как они с Димкой только-только въехали в ту страшную комнату на окраине Москвы и решили отметить это дело. Посуды не хватало, еды тоже. Находчивая Марина разрешила огурец пополам, вырезала середину, сделав из половинок своеобразные стаканчики. В них наливали водку, ими же и закусывали. Димка плевался: ему досталась огуречная попка, горьковатая даже под водку...

Тогда тоже была осень. В комнатухе немилосердно дуло из окон. Водка согревала и приятно пахла огурцом. Вот бы сейчас сюда такой стаканчик...

Девыцы докурили, синхронно побросали бычки мимо урны и гуськом двинулись к дверям. Вот он, удачный момент! Охранники наверняка не помнят, сколько их вышло, три или четыре. Марина прижала телефон к уху и двинулась следом, продолжая бубнить что-то про «Гуччи», «Прадо» и «Ламборджини Диабло», поскольку, по ее глубокому убеждению, подобные дамочки ни о чем другом и не говорят. Дверь услужливо открылась перед ней. Волна чужих ароматов иного мира ударила в нос: дорогие духи, аромат кухни, резкий химический запах тяжелого дыма, на фоне которого так эффектно смотрелась подсветка прожекторов, а также запах пота десятков человеческих тел, извивающихся на танцполе.

– Девушка, а вы куда? – раздалось над ухом. Цепкие пальчики вцепились в ее локоть. Марина обернулась.

Рядом стояла девица – одна их трех, куривших на крыльчке. Вспышки прожекторов освещали ее вытянутую физиономию, показавшуюся знакомой. Девица мотнула блондинистой гривой – и Марина узнала ее. Перед ней, с недобрим прищуром, топталась на месте светская львица Аксинья Гайчук, широко известная своим гадким характером и острым языком. Марина надменно повела бровью (долгие тренировки перед зеркалом не прошли даром, и сейчас это движение получалось вполне естественным) и попыталась вырвать локоть, но Гайчук держала крепко.

– Так куда это вы направились, милочка? – ядовито поинтересовалась Аксинья. – Это мероприятие для узкого круга. Вы что, входите в него?

– А по-вашему, что я тут делаю? – надменно поинтересовалась Марина. – Естественно, меня пригласили.

– Да неужели? – сощурилась Гайчук, и ее взгляд-рентген прошелся по наряду Марины сверху вниз и обратно. Марина почувствовала, как зарделись ее щеки. Да, от этой стервы не ускользнет ни надломанный каблук, ни дешевенькие серебряные украшения неизвестных уральских мастеров.

– И что же мы тут, по-вашему, отмечаем? – ласково поинтересовалась Аксинья. В ее маленьких крокодильих глазках светилось нутро хищника, не желавшего отпускать попавшуюся антилопу.

Марина молчала. А что она должна была сказать? Кто заказывал в заведении музыку, она не знала.

Вместо этого она оглядела фойе.

Помещение было шикарным. Марина не так часто посещала подобные места, но понять было нетрудно – это заведение явно принадлежало к высшему классу. Пол, выложенный черно-белым мрамором с затейливым зеброидным узором, высоченные зеркала без единого пятнышка, хромированный металл, стекло, шикарная люстра, напоминавшая космический объект, – все говорило о немалых деньгах, вложенных в ресторан. В лакированных башмаках охранника отражались веселые огоньки фонарей.

– Так что, дорогая, будем говорить? – издевалась Аксинья.

– Понимаете, я пришла сюда с другом. Приглашали его, а не меня, – проямлила Марина, понимая, как беспомощно звучит ее голос.

– И как же зовут друга?

Марина порылась в памяти и выудила первое пришедшее на ум имя:

– Егор Черский.

Аксинья вытаращила глаза, а потом расхохоталась. Выудив из микроскопических размеров сумочки телефон, она набрала номер.

Марина поняла: ей конец.

– Черский, привет. Ты сейчас где?

До Марины донеслось отчетливое «бу-бу-бу». Аксинья искоса посмотрела на нее и зло ухмыльнулась:

– Ну, и как там тебе работается, в Петербурге? Ты же там не один наверняка?

Трубку снова забубнила.

Марина лихорадочно соображала: сбежать или попробовать прорваться в зал, а там затеряться в толпе. Не будет же Гайчук носиться за ней по всему ресторану? Она сделала шаг в манящую темноту, но Аксинья резко дернула ее назад.

– Ну, пока, – пролаяла она в трубку. – Ты уж там оторвись на моей исторической родине по полной программе!

Затолкав телефон обратно в сумочку, Аксинья посмотрела на Марину с презрением добермана, завидевшего подошедшую к его миске дворнягу.

– Да, милая, неувязочка у вас вышла, – с вежливым сожалением сказала она. – Черский-то в Питере. К тому же не один. Вы уверены, что пришли на праздник с ним? Позвоните ему на сотовый.

Аксинья даже руку протянула, чтобы взять у Марины телефон, но та спрятала телефон за спину.

– Послушай, – сказала она, – чего ты ко мне привязалась? С тебя что, убудет, если я пройду?

– Чего привязалась? – задумчиво повторила Аксинья, а потом улыбнулась, продемонстрировав хищный оскал. – А мне скучно! Не на ком сорваться. Клочкова, увы, не пришла, вот и мучаюсь. Ты, конечно, не великая плясунья всея Руси, но на безрыбье сойдешь. Так что? Будем Егору звонить?

В конце концов, что она себе позволяет!

Пробный шар в виде мирной беседы пролетел мимо. Может, устроить скандал? Марина резко вырвала руку.

– Да в конце концов! – вскричала она, привлекая всеобщее внимание. – По какому праву вы тут меня спрашиваете? Если у вас папочка большой начальник, это... Это еще ничего не значит! Да у меня самой папаша не мельче...

На них уже оглядывались любопытные, торопливо шел охранник с угрюмым лицом и пудовыми плечами. Гайчук смотрела и усмехалась, только крокодильи глазки поблескивали недобро.

– Аксинья Александровна, какие-то проблемы? – спросил охранник, бросив оценивающий взгляд на Марину. Ей показалось, что этот громадный мужик тоже прекрасно разбирается в «Гуччи» и «Прада», и потому никаких шансов пройти на банкет нет.

– Никаких проблем, – весело ответила Аксинья. – Девушка просто пришла не на тот банкет и уже уходит. Ведь правда, девушка?

Марине ничего другого не оставалось.

Вздернув подбородок, она развернулась и вышла в ночь.

Метро еще работало, а вот маршрутки уже не ходили. Проторчав на ветру почти час, Марина прошла пять остановок пешком. Каблук на туфле угрожающе подворачивался. Обхватив плечи руками, она шла, обходя прохожих, слишком несчастная, слишком голодная и раздавленная, чтобы обращать на кого-то внимание.

И что теперь?

Домой, в Челябинск?

Вытерпеть мамино: «Я же тебе говорила!», отцовское неодобрительное молчание и шушуканье подружек, с которыми переписывалась в социальных сетях?

А потом что?

Унылая работенка за прилавком или на рынке. Если повезет, можно попытаться устроиться методистом в детский сад или интернат. Блистательная карьера, ничего не скажешь...

Полный крах.

Устроиться на работу здесь? За два года острой необходимости не возникало почти никогда. Рано или поздно находился человек, который брал на себя расходы. Но в последнее время количество желающих резко сократилось.

Просто закон подлости какой-то! Именно в тот момент, когда ей так необходима помощь, все поклонники куда-то делись, а у подруг нашлись срочные дела. Чего уж говорить про Димку, сбежавшего под теплое продюсерское крыло, оставив ее расхлебывать все беды в одиночку!

Марина вспомнила о таких же, как она, одержимых желанием блистать на сцене. Пока она будет мыть где-нибудь полы, продавать зелень и варить кофе пузатому начальнику, тепленькое место займут другие. На то, чтобы бегать по кастингам, необходимо время. Если устроиться на работу с полным рабочим днем, о кастингах придется забыть.

Уж лучше так...

Марина вспомнила Аксинью, преградившую ей хилой грудью дорогу к сытному ужину, и волна злости захлестнула с головы до пят, на мгновение согрел кровь.

Чем эта выскочка лучше?! В детстве, глядя на упакованных подружек, Марина по глупости требовала у родителей фирменного шмотья, устраивала истерики. Только все без толку: денег у Михайловых не было. Да и откуда им взяться у учительницы начальных классов и водителя «Скорой помощи»? Все, что получала Марина – нравоучения на завтрак, обед и ужин.

– Вот закончишь школу, поступишь в институт, – говорила мама. – Выучишься, станешь врачом. Отличная профессия. Нужная. Да, Максим?

– Угу, – соглашался папа, тыкая вилкой в макароны. Уткнувшись в газету, он не следил за беседой, апатично соглашаясь с каждым высказыванием супруги.

– Станешь молодым специалистом. От больницы квартиру дадут. Бюджетникам часто дают. Там, глядишь, замуж выйдешь. Внуков нам родишь. Да, Максим?

– Угу, – покорно кивал муж, замордованный двумя ночными сменами подряд. Давать советы дочери у него не было ни малейшего желания. Чего ему хотелось сейчас, так это горячего чаю, завалиться на диван под мерное бормотание телевизора и чтобы никто больше не зудел над ухом.

Супруга же с маниакальным упорством день и ночь вдавливалась в неподатливую голову дочери, что надо жить «как все»...

Жить как все Марина не желала.

Не будучи особенно умной от природы, она тем не менее инстинктивно чужая фальшь материнских нотаций. Раннее детство Марины пришлось на развал Советского Союза, так что великую империю она помнила плохо. А вот очереди в продуктовый, отключение электричества и даже голод отчетливо впились в ее память. Родителям по три месяца задерживали зарплату, и если бы не невеликая бабушкина пенсия, жить Михайловым было бы не на что.

– Да откуда я возьму деньги? – орала мать на просьбу Марины купить ей новую юбку. – Никто зарплату не получает!

То, что зарплату не получали далеко не все, Марина знала прекрасно, облизываясь на новые кофточки дочек предпринимателей. Но родители не замечали ни того, что дочь одета хуже всех в классе, ни ее постоянных истерик. До нее ли было, когда вокруг агонизировал крупный город, врачи и учителя в массовом порядке сбегали на рынок торговать двусторонними китайскими пуховиками – последним писком моды. В маленькой гостиной Михайловых отставали обои. Мебель ветшала, а на завтрак частенько подавали лапшу быстрого приготовления. Марине часто казалось, что острый запах специй въелся в стены дома, одежду и даже кожу. Спустя много лет запах этой еды напоминал Марине о безысходности и отчаянии, которые она испытывала в юности...

Постепенно жизнь выправилась.

К выпускному классу Марина уже твердо решила, что уедет в Москву и станет певицей. Чем она хуже других? К тому времени она уже научилась сносно играть на гитаре, сочиняла музыку и даже спела прощальную песню на школьном балу. Москва представлялась раем.

Мать, естественно, взвилась на дыбы. Отпустить единственную дочь в столицу порока и разврата?! Нет, нет, этого не будет!

– Опомнись! – кричала мать. – Какое музыкальное училище, ты что? Что это за профессия – музыкант? Максим, ты это слышишь?

– Угу, – бурчал отец из-под газеты с такой равнодушной интонацией, что Марине, сидевшей на табуретке в обнимку с гитарой, захотелось надеть ее отцу на голову. Хоть бы раз поддержал дочь!

– И что ты там будешь делать? В переходах стоять со своей гитаркой? Подайте, люди добрые?

– Да почему в переходах-то? – возмутилась Марина. – Буду нормально учиться, вокалу там, музыке... На кастинги схожу...

– Не выдумывай! – вскипела мать. – Знаем мы, что на этих кастингах делают.

– Что?

– Проституток! Вон их сколько в телевизоре! Не думай даже о Москве. Пока мы с отцом тебя кормим, будешь делать, что тебе говорят! Пойдешь в медучилище, как миленькая, получишь профессию, а потом живи, как хочешь...

Марина сдалась.

Авторитарная мать, привыкшая «давить характером» учеников, добила своего. Отец, как всегда, промолчал. Смотреть на мир сквозь газетные страницы после рабочего дня было куда более привлекательно, чем вникать в житейские трудности...

Марина поступила – правда, в педагогическое, поскольку в медицинское попасть было почти нереально. Мама похвалила за выбор:

– Учителя всегда нужны. Они часто в дефиците, особенно хорошие. Вот, к примеру, у нас в школе четыре ставки свободны. Закончишь училище, я замолвлю за тебя словечко...

Марина вяло кивала, думая, что дефицит педагогов прежде всего связан с тем, что ни один нормальный человек такую профессию не выберет. Себя Марина причисляла к нормальным. Поэтому на втором курсе она перекрасила волосы в рыжий цвет, бросила училище и, не поставив родителей в известность, уехала в Москву – благо вожденное совершенное лето уже наступило. Трясясь в плацкартном вагоне, на проклятом всеми пассажирами тридцать седьмом месте у туалета, Марина смотрела в окно и думала, что рано или поздно докажет всем, а прежде всего матери, что была создана совсем для другой жизни!..

Через два года она думала по-другому.

Топая по холодным московским улочкам, Марина мрачно вспоминала, что ей не один раз приходилось делить постель с потными, волосатыми кавказцами, обещавшими замолвить за нее словечко в шоу-бизнесе.

– Будешь хорошей девочкой? – говорил очередной Резо или Арарат. Она кивала и закрывала глаза...

Итогом этих встреч были редкие, как правило, одноразовые выступления в кабаках, немного денег, мелкие подарки и горькое понимание, что мать оказалась права. Сознать, что меняется не в лучшую сторону, Марине было неприятно. Два года постоянной борьбы сделали ее жесткой. Москва выжгла каленым железом все, что было в ней от простой девочки с Урала.

От холода зубы выбивали барабанную дробь. Дойдя до квартиры, Марина набрала горячую ванну, вылила туда остатки дешевого шампуня и села на бортик, уставившись невидящим взглядом на вздымающуюся кверху мыльную пену.

В дверь звонили с маниакальной настойчивостью.

Горячая ванна накануне не слишком помогла. Промерзшая до костей Марина еще вечером почувствовала, как в переносице накапливается жгучая горечь, предвещавшая простуду. К ночи ей совсем поплохело: поднялась температура, но насколько она была высокой, Марина не знала, так как градусника в ее хозяйстве не водилось. Не имелось в квартире и жаропонижающих средств. Обшарив все ящики, она нашла несколько завалившихся в угол старых таблеток без упаковки грязно-серого цвета, но принять их не решилась. Прометавшись полночи в жару, Марина забылась лишь под утро тяжелым беспокойным сном.

Незванный гость все давил на кнопку звонка и, судя по всему, уходить не собирался. Марина с оханьем села, провела ладонью по волосам и ощутила, что они влажные от пота. Простыни тоже были мокрыми насквозь. Тело изматывала неприятная ломота, в горле царапало. Стены квартиры словно сузились, а простенькие желтые обои с красными цветочками потемнели – как от времени или сырости... В комнатухе было прохладно и невероятно душно.

Когда Марина опустила ноги на пол, не сразу попав в драные тапочки, подошвы обожгло сырым холодом.

– Иду! – крикнула она. Поджимая пальцы, она подошла к двери и повернула ключ, запоздало подумав, что совершает самую большую ошибку этого дня.

– Здравствуй, – неприятно сказала темная фигура.

В подъезде было темно, Марина не сразу сообразила, кто стоит перед ней, пока фигура бесцеремонно не отстранила ее в сторону, ввинтившись в прихожую ужом. Внутренне простонав, Марина приготовилась к худшему. Ввалившаяся в квартиру тетка нахально прошлась

по углам, заглянула на балкон, с гримасой неодобрения оглядела грязные чашки в мойке и с омерзением – разобранный диван со смятыми простынями сомнительной свежести.

– Ну, что же ты, дорогая, – мармеладным голосом произнесла тетка, – конец месяца, а ты не звонишь, не пишешь. Денежки приготовила?

Марина вздохнула.

Прежде она снимала другую квартиру, на пару с Димкой, в новом доме. Арендную плату в основном он и вносил, а Марина покупала еду, хотя частенько кормиться приходилось где придется. Этажом выше жил Егор Черский, нынешняя звезда экрана, у которого частенько можно было стрелкнуть чаю, сахару и денег. Но потом оба съехали, оплачивать шикарные апартаменты в одиночку Марина не могла и подыскала квартиру поменьше.

Хозяйка этой квартиры не понравилась ей сразу.

Во-первых – сладеньким голосом, в котором плескалось нескрываемое презрение ко всем «немосквичам». Говорила она тихо, вкрадливо, растягивая гласные. Марина где-то слышала, что коренные жители столицы букву «а» как раз-таки не тянут, так что, скорее всего, хозяйка приобрела этот выговор в детстве, переехав сюда откуда-нибудь из-под Вологодчины.

Во-вторых, квартиросдатчица очень походила на мать: такого же роста, комплекции, и даже стрижка та же: несуразное каре с плохим мелированием и вечно торчащей кверху прядью на макушке.

В-третьих, что самое неприятное, хозяйка жила в этом же доме и могла заявиться за деньгами в любой момент.

Квартира была ужасная. Стандартная хрущевка на четвертом этаже, без лифта, с крохотной ванной и такой же кухней, на которой и одному-то тесно. На пятом, прямо над головой, жила семья с двумя детьми, которые начинали с визгом носиться друг за другом с самого утра. Для Марины, возвращавшейся не раньше трех ночи, это было смерти подобно. Она даже пыталась поговорить с соседями, но те лишь пожимали плечами.

– На нянюку у нас нет денег, в садик не пристроишь, – доходчиво объяснила соседка. – И потом, они раньше девяти не встают. Чем вы еще недовольны? Имеем право...

С утра кто-то из соседей во дворе начинал ковыряться в своей машине и врубал на всю катушку шансон. В самой квартире все повергало в уныние: старые обои, колченогая мебель, диван, на котором спало, наверное, сто человек, шкафчик на кухне, у которого не закрывались дверцы. От дивана пахло тухлой кислятиной, на кухне несло жареной рыбой. Чад проникал из вентиляции. В последнее время вечно голодная Марина боялась выходить туда и дышать, чтобы не вызвать желудочный спазм...

Зато цена соответствовала качеству.

Хозяйка, регулярно взимавшая плату, не позволяла забыть о себе. Вот и сейчас она высилась над сгорбившейся Мариной, как Эверест.

– Понимаете... – начала Марина, придав голосу плаксивые интонации.

– Ну? – ласково спросила хозяйка.

В голосе, под толстым слоем мармелада, скрывались острые крючки колючей проволоки. Марина подумала, что сходство этой тетки с ее матерью все-таки весьма поверхностное. У матери были добрые глаза, усталые, с сетью морщинок, но все-таки добрые. Хозяйка же смотрела холодно, а от приторной улыбки тошнило. Марине показалось, что ей улыбается крыса.

– Понимаете... – тупо повторила она, не зная, что еще сказать. Чувствовала она себя прескверно. Колени тряслись, на лбу выступили крупные капли пота.

– Марина, – строго сказала хозяйка, – мы договаривались, что ты будешь платить регулярно. Вместо этого мне приходится бегать за тобой уже вторую неделю. Ты должна мне

за два месяца. Каждый раз, когда я прихожу, выслушиваю сказочки о том, что ты вот-вот рассчитаешься. Ты помнишь, что я тебе сказала в прошлый раз?

Марина не прореагировала, разглядывая тапочки.

– Я тебе сказала: не рассчитаешься к двадцатому числу – выгоню, – ласково напомнила хозяйка. – Сегодня двадцать первое. Я приходила вчера, но тебя не было дома. Ты приготовила деньги?

«Выгонит», – с тоской подумала Марина.

– Понимаете, – сказала она обреченно, – я тут немного приболела, потому и не работала. Но на следующей неделе...

– То есть, денег нет? – елейно уточнила хозяйка. В ее глазах вспыхнула злость.

– Я все отдам на следующей неделе, – повторила Марина.

Хозяйка криво усмехнулась:

– Я тебя предупреждала? Предупреждала. На эту квартиру полным-полно желающих. Извини, но я твоим сказкам не верю. Значит, так: квартиру я сдаю другим людям. А ты можешь идти на все четыре стороны.

– Вы что, выставите меня, больную, на улицу?

– Ой, смотрите, больная... Пить меньше надо. А работать больше! Тогда и здоровья прибавится, и денег.

В елейном голосе послышались издевательские ноты. Марина почувствовала волну закипающего раздражения и даже открыла рот, чтобы достойно ответить: мол, никакая она не тунеядка, а самая настоящая певица, просто у нее черная полоса, но хозяйка с таким интересом смотрела ей прямо в рот, что Марина стушевалась. А что еще можно сказать?

– Ладно, – глухо сказала она. – Я уйду. Соберу вещи и уйду. Подождите пару часов.

– Нет, дорогая, – решительно сказала хозяйка. – Вещи твои я сама соберу. Придешь за ними, когда сможешь заплатить.

– Вы что, с ума сошли?

– А ты спорить будешь? Знаю я таких, как ты. С вас ни гроша не выжмешь, если не прижать хорошенько. Понаехали тут...

Последнюю фразу хозяйка процедила сквозь зубы.

Это стало последней каплей.

Марина торопливо оделась, схватила сумочку и, сдернув с крючка куртку, вышла за дверь. Во дворе она обернулась. Хозяйка, почти неразличимая за нематым стеклом, смотрела бывшей жиличке в след.

Марина оттопырила средний палец и продемонстрировала ей.

Лена грохнула чайником о плиту и с умеренной ненавистью произнесла:

– Вот сука!

Марина вяло кивнула: сука, конечно, и обхватила ладонями горячую чашку, пахнущую малиной.

Какое это было блаженство, сидеть в тепле и пить горячий чай!

Добиралась до подруги она тяжело. На маршрутку денег не осталось, топтать до метро пешком не хотелось. Пришлось ехать зайцем на автобусах, выскакивая перед носом у кондуктора. Один раз пожилая тетка с дермантиновой сумкой наперевес успела ухватить ее за локоть. Пришлось разыгрывать сцену с забытым дома кошельком.

Кошелек как миленький лежал на своем месте, вот только денег в нем не было. Такая вот неприятность...

Ленка, подруга по халявным тусовкам и кастингам, жила аж в Бирюлево, квартируя у своей полоумной тетушки. Насколько тетка была не в себе, Марина не знала, да и вообще не была уверена, что с ней что-то не так. Однако Ленка упорно называла ее тронутой, а Марина

и не возражала. Тетка работала где-то на заводе, на должности мастера цеха, что уже, по мнению подруг, делало ее «чокнутой». К тому же она была старой девой, смотревшей на мир сквозь призму соцреализма.

– Это ж надо, больного человека на улицу выгнать, – сокрушалась Ленка. – Неужели трудно было подождать пару дней?

– Угу, – буркнула Марина, попивая горячий чай. В теле разливалась дурная, жаркая слабость. Завалиться бы сейчас спать...

Квартира была крохотной, отделанной без всякого изыска. Марина вспомнила апартаменты Черского: однокомнатная квартирка-студия, но сколько лоска он сумел привнести в интерьер! Сразу видно, что у человека есть вкус... И деньги.

Ленкина тетка в последний раз вкладывалась в обстановку лет двадцать назад, когда Марина едва под стол пешком ходила. На полу старенький линолеум, заботливо подклеенный скотчем, на стенах простецкие обои, на окнах – тюль с пошлыми цветочками, такого в продаже уже сто лет как нет. Единственное новшество – старые деревянные рамы заменили на стеклопакеты, да на подоконники понатыкали горшков с модными цветами из дорожных магазинов. Тетка Лены была знатным цветоводом, цветы в ее доме разрастались, как в джунглях! У родителей Марины, насколько она помнила, подоконники были заняты «правильными» растениями: геранью, каланхоэ и аспарагусом.

В гостиной, выполнявшей еще и функцию спальни, тоже изысками не пахло. Диванчик с дутыми подлокотниками и высокой спинкой, такое же креслице, полированная чешская стенка и журнальный столик. На балконе – склад банок, старой мебели – «авось пригодится», одинокая лыжа и раскладушка, на которой ночью спала Ленка.

Лыжа Марину умиляла. Насколько ей было известно, тетка Лены на лыжах стояла в последний раз лет тридцать назад, в институте. Почему она не выбросила ее до сих пор, оставалось загадкой.

– Что теперь? – спросила Ленка.

Марина поболтала чашкой и вяло пожала плечами:

– Не знаю. Мне бы перекантоваться где-нибудь несколько дней...

– У меня нельзя, – быстро ответила подруга. – Тетка со свету сживет. Она меня-то еле терпит. Не велела сюда даже в гости никого приглашать. Совсем из ума выжила, курва старая. Я вот, не поверишь, каждый день мечтаю, чтобы она ласты склеила.

– По-моему, она нас всех переживет, – мрачно усмехнулась Марина, мельком подумав, что смерть Ленкиной тетки одним махом решила бы все проблемы. Бывает же такое: шел человек, и тут – бац, кирпич на голову! Или машина из-за угла. Или неизвестный гопник с финкой... И все – нет проблемы, ты свободен, как ветер!

Судя по сокрушенному Ленкиному вздоху, она думала о чем-то похожем. Отобрав у Марины пустую чашку, она налила еще чаю, придвинула вазочку с печеньем и, открыв одну створку настееж, закурила, осторожно выпуская дым в окно.

– То-то и оно, что ей давно уже на кладбище прогулы ставят, а она все живет и никак коньки не отбросит, – меланхолично констатировала она. – Вот зачем ей жить? Ей скоро пятьдесят, детей не нажила, богатства тоже, мужика – и того нет. Чуть ли не каждый вечер скрипит: «Учись, Леночка, человеком станешь!» А что толку в этом учении, если бабло можно зарабатывать и без института?..

Лена замолчала и осторожно выдохнула сизый дым в открытую створку.

Если тетка учует запах – визгу не оберешься!

К тому же, расчувствовавшись, она, кажется, свернула разговор в опасную колею. Неудобные вопросы, признания и объяснения, только этого не хватало! Лена покосилась на Марину, но та, отупевшая от температуры и горячего чая, кажется, ни на что не обратила внимания...

И слава богу! Не хватало еще перед ней отчитываться, где и как Леночка зарабатывает деньги.

Она затянулась в последний раз и выкинула окурок вниз. На миг перед глазами промелькнула привычная работа, к которой она сперва относилась с ужасом и известной долей омерзения, потом более-менее привычно, а потом уж и вовсе с изрядной долей юмора. Вот только знать об этом никому не следовало.

– Вещи жалко, – глухо сказала Марина. – Все там осталось.

– Так уж и все? – прищурилась Лена. – Семейное серебро, бабушкины цапки, меха и акции «Газпрома»?

– Нет, – не поняла юмора отупевшая от болезни Марина. – Платья, кофточки...

– Юбочки, – подсказала Лена.

– Юбочки, – автоматически подхватила Марина. – Вообще все...

– Ну и плевать. Новые купишь. Паспорт-то забрала?

– Да.

– А минусовки?

– Они всегда со мной. Я без них никуда.

– Гитара?

– У Лешки оставила в прошлый раз. Неохота было тащить ее через всю Москву.

– Так из-за чего тебе переживать? Документы с собой, денег там не было, а подержанное тряпье того не стоит. Надо легко расставаться с вещами.

– Хорошо тебе, – угрюмо сказала Марина. – Ты в тепле и сухости живешь, про завтрашний день не думаешь. А я вот думаю. Ночевать-то мне негде. Не на вокзал же идти, к бомжам под бок.

– На вокзал без билета сейчас не пускают, – хихикнула Ленка. – Билет надо купить.

– Смешно тебе...

– Да ничего не смешно... Придумаешь что-нибудь. Знакомых-то до черта, кто-нибудь пустит пожить на пару дней.

Марина промолчала.

До черта знакомых...

Все они такие же, как Ленка! Только языком горазды тренькать, а как до дела доходит, дружно прячутся в кусты. Вот почему Ленка сказала, что ее тетка так нетерпима к гостям? Может, она и не станет возражать, если Марина переночует тут, прямо на ковре, купленном еще в счастливом социализме, багрово-коричневом, с невнятным рисунком? Не привыкать спать в самых разных местах, в конце концов...

Но Ленка не оставит ее у себя, это совершенно точно. Хорошо, если денег подкинет.

– Ладно, – апатично махнула рукой Марина. – Что-нибудь все равно подвернется. Надо клубы обзвонить, может, куда позовут. Минусовки есть, платье одолжу. Может, где подзаработать можно?

– Пойду погляжу, – кивнула Ленка и удалилась в гостиную-спальню, где на крохотном столике мяукал попсовые хиты ноутбук.

Ленке приходила какая-то рассылка, и они вместе с Мариной частенько бегали на разные съемки в качестве массовки. Платили не очень хорошо, но проникновение в мир закулисья стоило дорого. Марина все мечтала, что произойдет та самая счастливая случайность, когда режиссер выдернет ее из толпы повелительным взмахом руки, а дальше все пойдет как по маслу. Правда, до сего момента ничего подобного не происходило. На массовку внимания не обращали, сгоняя как стадо к разным углам стойла, отдавая команды вроде: «Смеяться!», «Хлопать!», «Ужасаться!», беззастенчиво выдергивая с первых рядов одетых в белое и полосатое.

Марина сгребла из вазочки печенье и сыпала его в карман. На улице вечерело, и скоро Лена попросит ее уйти, чтобы успеть замести следы до прихода тетки.

– На завтра ничего, – крикнула Лена. – И на послезавтра тоже. А потом подряд два кастинга. Съёмки программы «Кулинарная битва» и массовка для «Судебного процесса». Роли там тоже дают. Пойдешь?

– Куда я денусь? – пробурчала Марина.

– Что?

– Сколько платят, спрашиваю! – крикнула она.

– Пятьсот в «Битве» и от косаря в «Процессе»... а, нет: если массовка, то тоже пятьсот.

От штуки – это если роль какая.

– Когда кастинг? В четверг?

– В пятницу. Пойдешь?

В пятницу. А завтра только среда. Нужно как-то продержаться два дня. Не страшно, когда у тебя есть деньги, и катастрофа – когда их нет. Потому что нужно бегать по друзьям уже сейчас, проситься на ночлег. А потом еще добираться до жилья, если посчастливится найти...

А ей так не хотелось подниматься с места и выходить в промозглый сентябрьский вечер. В постель бы сейчас, да накрыться ватным одеялом...

– Марин, тетка скоро придет, – напомнила Лена. – Мне еще все убрать надо. Ну, ты понимаешь...

– Понимаю, – вздохнула Марина. – Денег одолжишь? Я вообще без копыя.

Лена покопалась в ящике стола, вытащила расшитый бисером кошелек, открыла его и близоруко сощурилась, разглядывая содержимое.

– Блин, у меня тоже кот заплакал... – пожаловалась она. – Вот, держи, это все, что есть.

Марина осторожно расправила скомканные бумажки. Пятьсот рублей. И еще какая-то мелочь.

– Куда пойдешь? – поинтересовалась Лена.

– К Лешке, наверное. Скажу, что за гитарой, ну и... того. Останусь на ночь.

– Да? – многозначительно изумилась Ленка. – А вы с ним что, уже того?..

Марина криво ухмыльнулась.

– Ой, да ладно?! Ты и Лешка? Он же обезьяна немытая. И как он тебе?

Марина не ответила и пошла обуваться. Лена высилась над ней, как палач над приговоренным:

– Что, неужто правда? Ну, ты даешь... По пьяни, поди?

– Кто ж ему по трезвяни-то даст, – невнятно сказала Марина. – Но сейчас деваться некуда, пойду в гости. Ночевать ведь где-то надо.

– Но не с Лешкой же, – возмутилась Лена.

– А с кем?

– Ну... давай Нинке позвоним. У нее хата всегда свободная.

– Звонила я. Нинка в Питере. Укатила со своим...

При мысли о Питере в голове застучало, а в желудке завозилось придушенное гаденькое воспоминание: стерва Гайчук и бывший сосед Черский, так некстати уехавший в Питер...

И от этих мыслей в тесной прихожей Ленки внезапно сделалось невероятно жарко так, что кожа на запястьях и горле зачесалась и, казалось, покрылась жирными волдырями. Легкие вдруг наполнились жгучей обидой, а в глазах, и без того горящих лихорадкой, заворочались горькие слезы, прожигая внутренности серной кислотой. Скорей бы на воздух, проветрить мозги, отвлечься!

– Ну, пока, – весело сказала Ленка. – Позвони потом. И про кастинг не забудь.

Марина чмокнула ее в щеку и вышла из квартиры. Дверь захлопнулась с пушечным грохотом, лязгнул замок. Марина спустилась вниз и, выйдя из дома, обнаружила, что идет дождь.

– Только этого мне не хватало, – сказала она.

До дома своего приятеля Лешки Марина добралась уже около десяти вечера. Дождь прекратился, но тучи угрожающе шевелились над головой, грозя прорваться, как испорченная парусина. Раз – и в прореху льется вода, и беда всем, кто окажется внизу! Ветер поддувал в спину, швырял листву на землю и в морщащиеся от его напора лужи. Прохожие торопились домой, опустив головы и спрятав руки в карманы, стремясь скорее укрыться в спасительном тепле.

«Приду к Лехе, встану под горячий душ, а потом сразу под одеяло, – решила Марина. – Ну, а если он захочет... Фиг с ним, пусть пользуется, вдвоем даже теплее».

Мысль о том, что эту ночь она проведет с кем-то, пусть даже таким, как Леха, с вечно невымытыми патлами, смолящим сигарету за сигаретой и истерично повизгивавшим над тупыми американскими комедиями, вдруг взбодрила и подняла настроение. Потому она почти вприпрыжку добежала до Лехино дома и потянула на себя тяжелую дверь. На лестнице ей вдруг захотелось крикнуть ему что-то дурацкое, вроде: «А вы не ждали нас, а мы приперлися», и она рассмеялась во весь голос. Эху гулко отразилось от стен, посыпалось по ступенькам горохом.

Лехи не было дома.

Верить в это не хотелось. Марина несколько раз звонила, а потом даже пнула неподатливую дверь, но та осталась равнодушной. Зато что-то завозилось за соседской, и сварливый голос пролаял:

– Ну, чаво надоть? Щас милицию вызову! Пошли отседова!

Марина пнула дверь еще раз и, тяжело вздохнув, спустилась на один пролет, к окошку, где уселась на обшарпанный подоконник. Почему ей не пришло в голову прежде позвонить?

– Потому что этот козел до десяти всегда дома, – зло ответила она себе и вытащила мобильный.

Гнев вскипел в ней, перелившись через край, как кофе в турке. Она как наяву увидела эту изящную турку – не то из Египта, не то из Эмиратов – на новенькой, сверкающей хромом кухне Черского, где она просиживала вечерами с робкой надеждой, что наследник олигарха обратит на нее чуть больше внимания. Черт побери, она ходила перед Егором полуголая, таскала ему мармелад, томно закатывала глаза и периодически раздражалась хрипловатым смехом, который считала интимным! Егор на голые бедра реагировал с вялым интересом, мармелад не ел, а услышав интимный смех, морщился. А потом в его доме появилась ногастая брюнетка в стильных квадратных очках и с татуировкой мантикоры, опоясывавшей руку, и визиты пришлось прекратить.

Что-то ее весь день сегодня тянет на воспоминания...

Она мотнула головой, как собака, отряхивавшая мокрую шерсть, стремясь избавиться от прилипчивых воспоминаний некогда вполне предсказуемой жизни. А затем позвонила Лехе. В конце концов, чего она так раскипятилась?

Леха долго не отвечал, и она уже хотела было отключиться, чтобы перезвонить позже, как вдруг в динамике возник его немного оглушенный голос, сопровождаемый странным ревом:

– Да?

– Леша, привет!

– Что?

– Привет, говорю. Это Марина.

– Что?

– Это Марина! – заорала она. – Привет!!!

– А, Маришка, привет. Тебя плохо слышно, тут полный атас... Как дела?

– Нормально! Я приехала к тебе за гитарой, а тебя нет. Ты скоро дома будешь?

– Что?

Нет, это становится невыносимым! За соседскими дверями зашелестело. Давешняя бабка наверняка подслушивала. Марина сползла с подоконника и побежала на улицу. Может, там лучше будет слышно?

– Говорю, приехала, а тебя нет. Ты где?

– А меня нет! – радостно сообщил Леха. – А что?

– А ты где?

– Я в Ярославле. У друга на свадьбе. Прикинь, к нему привели плюшевую стриптизершу.

– Кого? – не поняла Марина.

– Стриптизершу. Ну, такую, с надувными сиськами и мордой мисс Пигги. Ростовая кукла, короче. И она сейчас раздевается... Атас, это такая умора!.. А что?

– Ничего! – зло крикнула Марина. – Гитару хотела забрать. Она мне нужна. Ты ключи никому не оставлял?

– Ключи? Нет, они со мной. А за гитарой послезавтра приходи.

– Она мне сегодня нужна!

– Ну, надо было раньше забирать. Я же тебе говорил. Сейчас ничем помочь не могу. Приходи в пятницу, а лучше в субботу...

Марина не дослушала и отключилась. Мысль, что Леха может вот так вот запросто умотать черт знает куда, даже в голову не могла ей прийти! Как он вообще посмел строить какие-то планы без оглядки на нее?!

«Ты эгоистка! – кричала мать в той, прошлой жизни. – Привыкла быть в семье единственным ребенком, знаешь, что все для тебя! А если бы вас было семеро? Привыкай жить в коллективе и уясни: ты не пуп земли!»

То, что она не пуп земли, казалось очень обидным...

Марина так и не научилась жить в коллективе и рассчитывать на семерых.

Когда они с Димкой снимали квартиру, она частенько оставляла его за порогом, развлекая в постели очередного Гиви или Ашота, и ей было все равно, что Димка ночует в подъезде или тащится вверх к Егору, где ребятам приходилось спать валетом на узком диване.

Когда Димка сделал карьеру, он почему-то не подчинился требованиям взять ее с собой в новую счастливую жизнь. Напротив, даже всячески этому противился...

Леха не вернется, так что сидеть на подоконнике было совершенно бессмысленно.

И куда теперь податься?

Она перебрала в памяти всех знакомых, с раздражением осознав, что тех, кто живет поблизости и может пустить ее на ночь, раз-два и обчелся.

«Пойду в клуб, – решила она. – В любой. Потрачу там последние деньги на входные, а там будь что будет. Может, кто угостит коктейлем, а нет – потусуюсь на диванчике до утра».

Марина снова спустилась в метро. До ближайшего клуба, где она часто бывала с подругами, было три остановки. Однажды она там даже выступила.

Притулившись на диванчике, обитом дермантином, Марина устало вытянула ноги. Кататься бы так всю ночь...

Вагон был почти пустым. Напротив сидела толстая баба с кошелкой, из которой торчали палки колбасы, багет и перья зеленого лука. Лицо бабы казалось неживым от смертельной усталости. Она, так же как Марина, блаженно вытянула ноги и навалилась на спинку в полном изнеможении. Рядом с бабой пристроился невнятный тип с мокрыми волосами и

болезненным лицом. На Марину он поглядывал с интересом. Она же, отметив странный, восточный разрез неожиданно ярких, зеленых глаз, возмущенно отвернулась. Тип на миллионера не тянул. Его ботинки были разбитыми и грязными, штанины джинсов тоже украшали серые комья, грозящие вот-вот отвалиться. Когда Марина направилась к дверям вагона, тип последовал за ней. На выходе из метро она обернулась, снова поймав этот странный стеклянный взгляд...

По дороге к клубу она обернулась еще пару раз, но попутчика из метро не заметила. Марина перевела дух и свернула во двор. Так, если протиснуться через щель в заборе, путь получался более коротким.

Она не дошла до дверей всего несколько метров, когда что-то большое рвануло ее за плечо и притиснуло к стене. Глухо вскрикнув, она, совершенно ошавевшая от страха, увидела перед собой сверкающие зеленые глаза с восточным разрезом и руку, довольно грязную, с парой кровоточащих заусенцев на пальцах. Рука сжимала нож, прижимая лезвие к ее лицу.

– Будешь орать, на лоскуты порежу, – пригрозил насильник. – Поняла?

Она всхлипнула и затрясла головой, изобразив согласие. Скопив глаза на сверкающий клинок, она не сразу сообразила, что холодные пальцы лезут под юбку, сдирая с нее колготки и трусики. Он сладострастно дышал ей в ухо, прерываясь на леденящий, змеиный шепот:

– Моя сладкая... Моя сладкая...

Она не нашла в себе сил сопротивляться, даже когда пришла боль, не чувствуя содрогающихся толчков чужеродного организма, проникшего в нее с бесцеремонностью налетчика. Только в слезинках, катившихся по щекам, отражались фонари и блестящее лезвие ножа, которое он так и не убрал от ее лица...

Медленно, словно старуха, она поднялась с мокрого тротуара и вытерла грязной рукой лицо. Волосы слипшимися сосульками падали на глаза, закрывая обзор темной пеленой. Она провела ладонью и по ним, чувствуя кожей комочки грязи и колкую пыль штукатурки, осыпавшуюся со стены.

Замок на юбке был сломан. Она подтянула спущенные трусики, потом колготки с дырой на колене и поискала глазами сумочку. Сумка валялась рядом, нераскрытая, грязная. Похоже, ее недавнему знакомому содержимое кожаного баула было неинтересно. Марина сделала шаг и охнула. Разбитые колени обожгло болью. Проклятый каблук все-таки отвалился.

Внутри все горело, ломало судорогами, кожу саднило от царапин. В туфлях хлюпала вода.

Лишь бы выйти на улицу, поближе к людям...

Она вышла на тротуар и похромала вперед, шарахаясь от прохожих, которые с легким удивлением смотрели на ее грязную куртку, сломанный каблук и порванные на коленях колготки. Марина смотрела на мир исподлобья и чувствовала себя омерзительно грязной, словно окунулась в какую-то слизь неопределенного происхождения. Как-то она смотрела космический блокбастер и визжала от ужаса при виде мерзкого инопланетного монстра, покрытого такой вот слизью. Режиссер не поспешил на спецэффекты, и к финалу главная героиня полностью была вымазана липкой серой пакостью. Теперь Марина понимала, как та себя чувствовала...

Улица, на которую она свернула, выглядела какой-то неухоженной, несмотря на обилие фонарей и неоновых реклам. Возможно, потому, что была загажена мусором, словно московские дворники решили устроить забастовку, а к тротуару притулилось сразу несколько машин, вокруг которых крутились сомнительные типы. Парни в спортивных костюмах крутили на пальцах ключи от своих четырехколесных друзей, перебрасываясь сальными шуточками. Марина притормозила, а потом и вовсе остановилась. Идти мимо них не хотелось. В

памяти сразу возникали эти странные восточные глаза с зеленой радужкой, в которых плескались водяные драконы...

Она попятилась, растолкав группку девиц, одетых чрезвычайно легко для такого прохладного дня, и пошла назад.

В этот момент все вокруг пришло в движение!

Парни рванули к своим машинам и стартовали с места с диким визгом покрышек. Девушки в летних нарядах тоже заметались по тротуару, но как-то бестолково, словно курицы с отрубленными головами. Марина хромала прочь и на происходящее не обращала внимания.

– Эй, а ты куда? – послышался вдруг грубый голос, и чья-то сильная рука схватила ее за локоть. Кошмар выпрыгнул наружу из подсознания. Марина завизжала и принялась отчаянно отбиваться свободной рукой.

– Блин, Петрович, иди сюда, тут какая-то бешеная, – крикнул мужчина и без особого труда заломил Марине руки за спину. Что-то холодное лязгнуло и сковало кисти. Марина вырвалась и бросилась прочь, но, пробежав два шага, споткнулась и что было силы врезалась головой в живот бегущему к ней милиционеру. Тот охнул и упал на тротуар, сложившись пополам и хватая ртом воздух.

– Ни фиги себе! – восхитился тот, кто надел на Марину наручники. – Это ж не девка, а какой-то Джеки Чан! Петрович, ты живой? Она в тебе дыру не пробила?

– Чего ржешь? – огрызнулся Петрович. – Пакуй ее. Обдолбанная, поди.

– Будет сделано, – отрапортовал милиционер, в его исполнении это прозвучало как «бусделано». Он поднял с земли сперва Петровича, а потом отчаянно брыкавшуюся Марину и потащил ее к автобусу, где уже томились девушки в летнем.

– Да не туда, – просипел Петрович. – К нам в машину ее. Еще не хватало, чтобы она там шалав этих перекусала. Потом объяснительных не оберешься.

– Да, давай ей кляп вставим и в кандалы закуем, – весело предложил милиционер.

Петрович пробурчал что-то непечатное и направился к автобусу.

Милиционер ловко запихал трясущуюся Марину в «газик» и захлопнул тяжелую дверь.

Внутри было тепло, пахло бензином, мочой и застарелым, въевшимся в стены ароматом немытого тела и пота. Марина скорчилась на неудобном сиденьи, вжавшись в стену. Руки за спиной свело судорогой, и она всхлипнула.

Выполнившие служебный долг милиционеры вернулись в машину и, мельком взглянув на свою пассажирку, тронулись с места, болтая о чем-то своем. Сквозь маленькое мутное стекло их было почти не слышно, но отдаленный рокот голосов и приглушенный смех показались Марине зловещими. Она заплакала и плакала всю дорогу, пока машина не остановилась, а в открытую дверь не ворвался холодный ветер.

– На выход, – лениво сказал Петрович. А может, не Петрович, а второй. Она не смогла идентифицировать их по голосам и оттого еще больше запаниковала. Рук Марина почти не чувствовала, а колени тряслись уже не от холода, а от страха. А еще мучительно хотелось в туалет.

Ее потащили в отделение, отобрали сумку, вывернули карманы и бросили вместе со всеми в камеру. Почему-то она была уверена, что их посадят в клетку, как диких зверей, и затряслась, когда увидела эти толстые прутья, подпиравшие потолок. Но в клетке сидели двое кавказцев и какой-то бомж. Поэтому милиционеры потащили всех девушек в одну камеру и втолкнули внутрь. Марину заводили последней. Хорошо хоть наручники сняли.

Девиц было много. Они заняли все нары, негромко переговариваясь между собой. Кажется, для них задержание не было чем-то ужасным. Для Марины на нарах места не осталось, и она села на корточки, опершись о стену. В камере тоже было холодно.

– Эй, – вдруг позвала одна девица. – Ты кто?

Марина посмотрела на нее и отвела взгляд.

Не хотелось говорить, не хотелось думать. Даже сейчас ей казалось, что все вокруг покрыто мерзкой серой слизью, и она поминутно трогала пальцами стену, чтобы проверить, не погружаются ли они в инопланетный кисель. На свет одинокой лампочки слетелись ночные мотыльки, и даже удивительно было, откуда они в таком холодном сентябре, не иначе как жили прямо тут, вили коконы под потолком. Крылья бабочек отбрасывали на стены мрачные колышущиеся тени. Казалось, что в камере кружатся летучие мыши, готовые вонзить клыки в шею зазевавшихся узников...

Теперь на Марину смотрели все. Эти совиные, немигающие взоры сводили ее с ума. Девицы не выглядели дружелюбными. От них наверняка можно было ждать чего угодно.

– Ты кто? – требовательно повторила девица. – На Резо работаешь?

Марина снова не ответила. Тогда девица легко соскочила с нар и подошла ближе, оглядывая ее с недоумением. Разглядев ее сбитые колени и рваные колготки, она присвистнула:

– Не хило тебя менты отоварили! Ты как на нашем месте оказалась?

Марина молчала, угрюмо уставившись в пол.

От холода и шока ее начало трясти так, что зубы выбивали барабанную дробь. Тени мотыльков, а может, летучих мышей-вампиров продолжали кружиться...

Девица смотрела с сомнением, словно раздумывала: продолжить допрос мирно или на всякий случай дать неизвестной девке в зубы?

Замок лязгнул в тот момент, когда девица с угрожающим видом двинулась к Марине, а та инстинктивно закрыла лицо руками.

– Михайлова, на выход! – грозно приказал милиционер. Марина не сразу сообразила, что Михайлова – это она, а потом опрометью бросилась прочь из душного смрада камеры.

Девица проводила ее холодным взглядом и, криво усмехнувшись, полезла на нары.

– Ты какая-то загруженная сегодня, – рассеянно констатировала Лена, томясь в длинной очереди. – Блин, вот народу приперло. Сидели бы дома, в тепле и сухости...

– Угу, – буркнула Марина, передернув озябшими плечами.

После двух кошмарных дней ей постоянно было холодно.

В куртке были не карманы, а издевательство: мелкие, узкие, ладони в них полностью не помещались, даже мелочь – и та выпадала. Потому Марина носила телефон на шнурке или в сумке, а мелочь и проездные – в нагрудном кармане. Но ведь в нагрудный руки не засунешь...

– Блин, чего они так долго? – раздраженно спросила Лена. – На всякий случай запомни: в первые ряды не лезь, а то примелькаемся! Тогда нас пускать перестанут.

Марине казалось, что лучше уж пусть тебя один раз заметят, чтобы прославиться сразу, чем всю жизнь сидеть серой мышью в углу да еще постоянно менять внешний вид, чтобы не попасть в категорию «профессиональных зрителей». Таких редакторы действительно не очень любили и гнали из кадра. Но не признать Ленкину правоту она не могла.

– О, пошло дело, – обрадовалась Лена. – Сейчас они нас быстренько осмотрят и пустят внутрь... Кстати, ты так и не рассказала, где пропадала два дня. Я Лехе звонила, он вроде как на свадьбе был. Где тусила-то?

Марина предпочла сделать вид, что не расслышала.

В самом деле, не рассказывать же... До сих пор, когда она вспоминала прошедшее, ее передергивало, особенно когда мерещилось холодное острое лезвие, прижатое к щеке.

Дежурный опер, к которому ее привели из камеры, посмотрел на жалкую фигурку без особого интереса, мотнул головой на стул и начал вдумчиво изучать документы.

– Михайлова Марина Максимовна, – медленно произнес он. – Из городу Челябинску. Так-так-так, проживаем где? Где регистрация? Ага... вот...

Опер комично произносил слова, словно казался стараться менее официальным, а может, просто забавлялся. Марина молчала, стараясь унять дрожь в коленях.

– И что это мы, Марина Максимовна, мало того, что всяким непотребством занимаемся, так еще и хулиганим? Зачем милиционеров побили, а?

– Я не била, – буркнула она.

– А кто бил? Пушкин? У меня вот в протоколе сказано: «Во время задержания набросилась на сотрудника, находящегося при исполнении»... Что же это ты, Марина Максимовна, себя так ведешь? Подружки твои куда скромнее. Или ты первачом и еще не поняла, как себя надо вести с правоохранительными органами?

– К-какие подружки? – икнула она.

Опер скривился.

– Ты мне тут ваньку-то не валяй. Под кем ходишь? – вдруг рявкнул он.

– Что? – пролепетала она, чувствуя, что глаза наливаются слезами.

– Сутенер твой кто?

Марина задрожала еще больше.

– Я не проститутка, – сказала она тихим голосом.

– А кто? – ядовито поинтересовался опер. – Доктор наук?

– Я певица.

– А я о чем, – усмехнулся опер. – Певицы, они ж такие... Ты мне, рыба моя, скажи, зачем Петровича нашего побила?

– Не била я его. Шла мимо, а он за руку схватил, я испугалась...

– Чего ж ты испугалась? – удивился опер. – Петрович у нас совершенно безобидный дядька, лучший друг женщин и детей позднего пионерского возраста. И, кстати, откуда это певицу несло, да еще в таком виде?

Она перевела взгляд на свои ободранные коленки и вдруг, вспомнив взгляд зеленых раскосых глаз, почувствовала, как в голову ударила волна паники и отвращения, а следом вторым приливом принесло страх, смытый адреналином. Горло перехватило спазмом. Она часто-часто заморгала, стараясь сдержать слезы, но не смогла. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Марина разрыдалась и сползла на пол, уткнувшись лицом в колени.

– Ты чего это? – рявкнул опер. – Ты брось мне тут истерики закатывать! А ну, вставай!

Он подбежал к ней и, схватив за руку, попытался поднять, но это прикосновение напугало Марину еще больше. Она завизжала так, что опер с перепугу попятился, опрокинул стул и замер, не зная, как реагировать.

– Ну... ты это... ты чего? – повторил он мягче и, подойдя ближе, присел на корточки и прикоснулся к волосам. Она шарахнулась в сторону, вжавшись в угол:

– Н-не трогайте меня!

– Да успокойся ты, никто тебя не трогает...

Он снял трубку и что-то вполголоса проговорил. Всхлипывающая Марина не разобрала ни слова. Поджав ноги к подбородку, она закрыла лицо руками. Дверь открылась, впустил пузатого мужичка с чемоданчиком в руках.

– Ну, чего тут у тебя? – миролюбиво спросил он у опера. Тот мотнул головой в сторону Марины:

– Да вон, истерика... Орет, плачет. Петровича побила.

– А мы шас укольчик, и все пройдет, – спокойно ответил толстячок и открыл чемоданчик. – Да, милая?

Марина сжалась в углу и как замороженная смотрела на приближающегося к ней мужчину со шприцем в руках. Паника подступила к горлу. Толстячок миролюбиво улыбался, разглядывая ее, а потом его взгляд скользнул куда-то вниз, к ногам. Улыбка сползла с его лица, он нахмурился.

– Леня, – сказал он. – А вы девочку где подобрали?

– Да на углу, когда на шалав облаву делали, – раздосадованно сказал опер. – А что?

– Да что-то мне ее вид не нравится. Девочка-то давно на панели?

– А я знаю?! Я ее еще и не допрашивал толком, она сразу реветь начала. Говорит, что певица и вообще мимо шла.

Пузатый мужичок отложил шприц, присел рядом с Мариной и заглянул в глаза. Она тряслась, стараясь вжаться в стену так, чтобы раствориться в ней без остатка. Все мужчины на земле в этот день стали ее врагами.

Разве что этот... от которого пахло больницей, лекарствами и почему-то булочками с ванилью, казался другим.

– Милая, с тобой что-то случилось? – спросил он.

И его голос звучал как-то по-другому, словно голос дедушки, который обнаружил внучку плачущей над разбитой коленкой. Марина замерла, а потом часто затрясла головой.

– Тебя кто-то обидел? – спросил «дедушка».

И она разрыдалась снова, выталкивая из себя прерывистое признание о неудачном походе в клуб, о зеленоглазом насильнике и ноже, впивающемся в щеку. Краем сознания она уловила «Ах ты, господи!», произнесенное опером Леней, но остановиться не могла, выплескивая подробности – маловразумительные от рыданий. Она остановилась, только когда начала задыхаться, а в руку впилась иголка. Проваливаясь в сон, она успела услышать, как опер звонил по телефону, сумбурно пересказывая ее откровения.

– Да, опять нападение. И описание похоже. Выходит, он все еще бродит по району, – сердито проворчал Леня.

Больше Марина ничего не услышала – она крепко спала в неудобном кресле с продавленным сиденьем.

Студия, где снимали «Кулинарную битву», ее разочаровала.

Марина, которая до того видела передачу только по телевизору, наивно предполагала, что ее встретит шикарный интерьер, сверкающие хромом приборы, глянецовые поверхности и неуловимое телевизионное волшебство. На деле студия оказалась крошечной, со стенками из крашеного гипсокартона, который в одном месте – она специально пригляделась – был пробит, очевидно, ударом чьей-то ноги.

От прожекторов было невероятно жарко...

Лена выглядывала знакомых: кому-то даже помахала рукой и показала жестами, мол, перезвонит.

Пока помощники режиссера выставляли свет, Марина скучала, лениво оглядываясь по сторонам, и все старалась сесть так, чтобы не слишком бросалось в глаза ее странное одеяние. Юбку она одолжила у Ленки. Колготки ей дала в больнице пожилая женщина-врач, когда Марину доставили туда для экспертизы. Сама процедура осмотра почти не отложилась в ее памяти. Она смутно помнила сочувствующие взгляды врача, собственные сбивчивые показания и то, как подписывала протокол. Потом ее оставили в покое, дав выспаться и прийти в себя.

Она проспала почти сутки.

В четверг, поздно вечером, она лежала, разглядывая потолок, и вяло думала, что переживала бы изнасилование куда острее, если бы ее не забрали в отделение. Кто бы подумал, что законы физики и тут оправдают себя? Минус на минус дает плюс. Нет, Марина, конечно же, переживала, чувствовала себя препогано, но теперь, когда в голове еще шумело от лекарств, произошедшее казалось сном, омерзительным, гадким, но отчего-то нереальным. И если бы не царапины на шее и руках, не сбитые колени, она и вправду подумала бы, что все приснилось...

На съемки идти не хотелось, подруга буквально заставила ее выползти из раковины. Знакомое лицо выплыло из ниоткуда.

Она вздрогнула, словно увидела призрак, прищурилась, рассматривая высокую фигуру в темных брюках и фиолетовой рубаше, словно в прицел. Вот он теперь какой...

Егор Черский был сокрушительно хорош.

В последний раз Марина видела его год назад, когда он съезжал с квартиры. Правда, был еще один эпизод: она выступала в ночном клубе и заметила его за одним из столиков. Потом он исчез из видимости надолго, сменил номер телефона, не отвечал на электронные письма, вычеркнув бывшую соседку из жизни раз и навсегда.

Марина рассматривала его жадно, как смотрят на старого друга, сошедшего с поезда Варшава – Москва, – такого заграничного, лоснящегося от сытости и богатства. Черский раздался в плечах, загорел так, что издали походил на танцора латино, сменил прическу. Теперь от его длинных, закрывающих лоб волос осталась только лихая брюнетистая челка, взбитая вверх. И только глаза остались прежними, темными и влажными, как маслины.

– Хорош, – одобрительно сказала Ленка. – Это про него ты говорила, да?

Марина кивнула.

– Надо подойти потом. Познакомиться... туда-сюда...

– Сильно сомневаюсь, что с ним у тебя получится «туда-сюда», – усмехнулась Марина. – Этот мальчик играет в высшей лиге, и нам туда ход заказан.

– Ой, да ладно, – отмахнулась Ленка. – Мужики все одинаковые. Две руки, две ноги, посередине сволочь. И вечно хотят трахаться. И этот такой же. Вот зуб тебе даю, если познакомишь, я заташу его в койку. Или он педик?

– Сама ты педик, – обиделась Марина.

– А чего? В Москве это норма, а на телевидении и подавно. Вон какую карьеру сделал. Поди, спит с кем надо.

– У него папахан – олигарх.

– А, другое дело, – уважительно сказала Ленка. – Тогда, конечно, может себе позволить, чтобы все было по любви. Ух, до чего я это богатство люблю и уважаю...

Марина не ответила.

Она долго наблюдала, как осветители выставляют прожектора, а потом, не выдержав, поднялась с места и пошла к Егору, держащему в руках кипу бумаг и просматривавшему их с мрачным видом.

– Девушка, вы куда? – крикнула какая-то помощница режиссера. – Вернитесь на место!

Егор поднял голову и посмотрел на Марину без особого интереса. Затем он снова уткнулся в бумаги.

– Девушка! Я сказала вам, вернитесь на место!

– Егор! – позвала Марина. Он снова посмотрел на нее, прищурившись и прикрыв глаза от света софитов. Затем вежливо улыбнулся и махнул рукой охраннику, рванувшему наперерез.

– Здравствуй, Марина, – сказал Егор, не сдвинувшись с места.

Она проглотила легкую обиду. Мог бы и подойти...

– Привет, – выдохнула она, споткнувшись о кучу каких-то проводов и, едва не упав, схватилась за его руку.

– Хорошо выглядишь, – произнес он ровным, лишенным интонаций голосом. Марина вдохнула и забыла выдохнуть: он что, издевается?!

Черные масляные глаза смотрели насмешливо, окинув ее взглядом-рентгеном с головы до пят. Она показалась сама себе страшной и какой-то облезлой, как старая туфля, выброшенная на обочину. Как можно отвешивать дежурные комплименты, когда перед тобой стоит такое чучело? Ей показалось, что он заметил все: чужую, не по размеру юбку, грязные туфли,

замазанный тональным кремом синяк на подбородке. Она тоже разглядела детали – от модных остроносых туфель до шикарных часов, небрежно болтавшихся на запястье. Золотая цепь на его шее была изящного плетения и явно куплена в дорогом салоне, а от уложенных волос несло тонким ароматом французской туалетной воды. Марина припомнила, что Егор всегда умудрялся выглядеть роскошно, даже в линялых джинсах и простецкой футболке, в которых ходил дома. Почему же ей никогда это не удавалось?!

«Потому что в нем есть класс, – ответила она самой себе с раздражением. – Это про таких говорят: аристократы!»

В последнее время «таких» все чаще называли метросексуалами. Она часто читала про них в модных журналах, попроси ее кто-нибудь назвать отличительные признаки метросексуала, она, не задумываясь, сказала бы: чистые, ухоженные ногти и волосы. Как у Черского, следившего за волосами с маниакальностью. Впрочем, Егор всегда был педантом. Как-то у него в кухне она увидела расставленные ручками в одну сторону кружки, а салфетка на столе всегда свисала одним уголком ровно на два сантиметра...

А сейчас он стоит перед ней и говорит, что она, помятая и несчастная, хорошо выглядит, хотя это явно не так.

Издевается?

– Как живешь? – спросил он. В голосе ей почудилась насмешка.

Марине очень хотелось рассказать, как ей живется, со всеми подробностями, не упустив ничего, но еще больше хотелось, чтобы он не просто проникся ее проблемами, а помог. В конце концов, ему же это ничего не стоит...

– Егор, пора, – крикнула давешняя помощница режиссера. – Гости прибыли, их уже гримируют.

– Извини, мне пора, – улыбнулся Егор. – Все дела, дела, даже поговорить некогда...

– Может, после программы? – быстро предложила Марина. – У меня столько новостей...

– Да, конечно, – быстро сказал он и шагнул прочь, под лучи софитов.

Марина проводила его взглядом, застыв на месте.

– Девушка, пройдите на свое место, пожалуйста, – измученным голосом попросила помощник режиссера.

Марина пожала плечами и направилась к своему пластиковому креслицу.

Часть 2

День был ни к черту.

Вести кулинарное шоу Егору приходилось впервые. Когда ему, уже состоявшемуся телеведущему, сделали подобное предложение, он долго колебался, намереваясь отказаться.

Кабинет продюсера был так себе. Все-таки на телеканале он был не главным и отвечал лишь за развлекательную часть вещания, в которую входило и кулинарное шоу. Серые стены, серая мебель, много хрома и стекла и корпоративные зеленые вставки на всем в самых неожиданных местах. Зеленые вазы, зеленые дверцы на шкафчиках, и даже абажур настольной лампы – травянистого цвета, совсем как тот, что, по слухам, везла в Шушенское супруга вождя мирового пролетариата. Заглядевшись на абажур, Егор пропустил момент, когда продюсер предложил ему поработать на их канал.

– Я ничего не смыслю в еде, – беспомощно бормотал он. – Не гурман, готовить умею только простейшие блюда и даже хлеб не порежу ровными ломтиками.

– А как ты режешь хлеб? – заинтересовался продюсер, блестя глазами.

Посмотрите-ка, весело ему! Злость помогла Егору собраться и отбить радостную улыбку потенциального начальника ледяным рикошетом:

– Криво. Один край всегда толще другого. Меня же на смех поднимут, если я там начну давать советы.

– Тоже мне, проблема, – скривился продюсер. – Там сейчас Коля Рындин рулит. У того вообще предел кулинарных возможностей – макнуть пакетик с чаем в кипяток.

– Рындин – медийная личность, – возразил Егор. – Он сейчас на гребне славы. Так что совершенно не важно, как он... макает пакетик в кипяток. Его и без того любят.

– Ой, я тебя умоляю! Распиарили идиота, стоит – вывеской торгует, а двух слов связать не может. Мне уже несколько раз жаловались гости, что им приходится вытягивать шоу самостоятельно. А это, между прочим, его обязанность! Поэтому я хочу предложить работу тебе.

– Почему?

– Видел я прямой эфир, где ты четыре часа с Гайчук вел концерт и тараторил, как сорока. Причем видны моменты, когда вам реально приходилось тянуть время. Надо отдать должное, вы мастера. Я бы ее даже пригласил, но мне для формата нужен: «а» – мужчина, и «бэ» – у которого язык без костей...

Егор холодно улыбнулся. Да, ему уже несколько раз приходилось вести длинные концерты, причем иногда даже экспромтом, часто – в прямом эфире. В соведущие ему частенько ставили скандалистку Аксинию Гайчук, которая тоже пауз между словами не делала. Один раз они работали даже в Кремле, хотя туда, как правило, приглашали ведущих, проверенных временем: двое из них вели концерты еще при генсеках, пережив практически все Политбюро развалившегося СССР.

– Ну, Егор, соглашайся, – миролюбиво сказал продюсер. – Это несложно, честное слово. У нас в позапрошлом сезоне Миша Поперечный работал, так он первый эфир оттарабанил без запинки и без шпаргалок даже. Классный ведущий был, не капризничал, как Коля, и водку не жрал сверх меры. Дело-то простенькое. Это ж не прямой эфир! В день записывается по две, а то и три программы. И за каждую мы платим хорошие денежки.

– О денежках можно поподробнее? – уточнил Егор и бросил быстрый взгляд на пустую чашку. Хорошо бы еще кофе выпить...

Продюсер взгляд уловил и, ухмыльнувшись, нажал на кнопку громкой связи:

– Лара, кофе нам. И быстро.

– Одну минуту, Иван Сергеевич, – сказал телефон приятным женским голосом. Продюсер развалился в кресле и, скрестив пальцы на объемистом животе, побарабанил по нему.

Егор отвел взгляд.

Смотрите-ка, как вы выросли, господин Черский!

Давно ли приехали из Новосибирска, носились, высунув язык за звездами, подсовывая им под нос диктофон. А сейчас с вами желает отобедать продюсер центрального телеканала, да не просто так, а по делу.

От обеда Егор отказался.

Он предпочел зайти лично, просидев на диванчике приемной всего-то четверть часа, после чего был с радушием принят продюсером.

– Беда мне с этими звездами, – пожаловался Иван Сергеевич. – Ты меня поймешь, поскольку сам в этой шкуре пребываешь. Вечно они норовят папеньку обуть, а лишний раз зад оторвать от дивана не желают. Вот смотрю я на западных звезд – и диву даюсь. Какая игра, какие краски! А у нас? Вон Рындина, к примеру, взять. Он что, артист великий? Дерьмо, а не артист, даром что фотокарточка красивая. А понтов выше крыши: «Раньше одиннадцати на площадку не приеду, между съемками два часа отдыха, массажистку и бутылку вискаря каждый день!» Замучались мы с ним. Или эта... как ее... тьфу, совсем из памяти вылетело... бывшая жена Киреева...

– Алексеева?

– Да, точно. На прошлой передаче была. Тоже звезда, куда деваться. Недавно кинишку смотрел с ней – полдня плевался. Дубина неповоротливая! Ты возьми, к примеру, Мэрил Стрип: какая игра! Сколько эмоций в одном движении бровей! А наши только кривляться могут... А знаешь почему?

– Предполагаю, что школы той, что раньше была, уже нет.

– Вот! – удовлетворенно сказал продюсер. – Нет школы. Потому что у нас в артистах? Жены, любовницы, дети и внуки. И все сплошь красавцы и красавицы, они морду корчить не приучены, боятся – морщины ползут. Кто попало в кино играет: кавээнщики, певцы, или вон бывшая дворничиха и узбекский гастарбайтер. И, между прочим, играют не хуже профессиональных актеров с дипломами... У тебя что за плечами?

– Журфак.

– И диплом, поди, красный?

– Нет, – усмехнулся Егор. – Я ради корок жилы не рвал.

– Тем не менее в тебе чувствуется профессионализм. Ты же у себя в программе не просто воздух сотрясаешь, а вопросы задаешь. Вот и мне нужно будет нечто подобное, только чтобы вопросы профи задавал, а не быдло пьяное. А где таких взять?

Секретарь в сером, подчеркнуто-деловом костюме неслышно открыла дверь кабинета и вошла, держа на вытянутых руках сверкающий поднос. Чашки корпоративного зеленого цвета, сахарница такая же, и только вазочка с конфетами сверкала неуставным серебряным блеском. Продюсер тяжело вздохнул.

Нелегко ему, подумал Егор, поблагодарив секретаршу скупой улыбкой. Она вежливо кивнула в ответ, поставила кофе перед шефом и вышла, цокая каблуками. Егор чисто мужским взглядом проводил ее удаляющуюся спину, ровную, как у гренадера, оценил тугие полукружья попки и с куда меньшим интересом поглядел на Ивана Сергеевича.

– Хороша? – спросил тот.

– А то!

– Бывшая мисс... то ли Самара, то ли Казань, не помню точно. Тоже приехала звездой устраиваться. Только таланта нет никакого. Не поет, не танцует, и как камеру увидит, в обморок падает. Даже прогноз погоды не смогла вести. Но девочка старательная. Вот, взял к себе в секретарши. Пока доволен.

– Рад за вас и за нее, – усмехнулся Егор. – Так что там у нас с суммами?

– Ехидничаешь? Это хорошо. Люблю остряков. В общем, за один эфир будем платить по косарю зеленых. В день снимаешься в трех передачах – три штуки в карман. Официально в ведомости меньше проставим, чтобы налоги не платить бешеные. Устраивает?

Это было больше, чем предполагал Егор. В собственной программе он получал сумму покруглее, но там приходилось совмещать должности продюсера, режиссера, ведущего, а иногда и журналиста. И хотя подобная жизнь ему нравилась, нельзя было отрицать, что бешеная гонка прошлого года начала его утомлять. Чтобы сразу не отвечать, он уставился в окно.

Пронзительно синее сентябрьское небо дышало холодком. Легкий ветер колыхал вертикальные полосы жалюзи немыслимого зеленого колера, а узкие солнечные лучи слабо нагревали паркет, словно намекая – это прощальный подарок. Хотите погреться – грейтесь сейчас, пока мы еще хоть в какой-то силе, потому что не за горами октябрь, потом ноябрь с его комковатыми тяжелыми тучами, а потом и зима. При мысли о зиме, невыносимо долгой, противной и слякотной, как все зимы в Москве, Егор вздохнул.

– У меня же и свое шоу есть, – вяло возразил он. – Работы полно. Как я успевать все буду?

– А чего тебе не успевать? Чай, не на край света мотаться. На лифте съедешь на три этажа, вот тебе и новая работа. И потом, я же говорю, это не прямой эфир. Оттарабанишь три программы – и гуляй до следующего раза. Графики согласуем. В конце концов, не только под тебя придется подстраиваться. Сам понимаешь, артисты тоже люди занятые. Ну, Егор, не ломайся.

– А Рындин как же? – спросил Егор для проформы, ему было абсолютно все равно, что будет с актером, не справившимся с задачей.

– Это тебя заботить не должно, – жестко сказал продюсер. От его показного добродушия не осталось ни следа. Егор приподнял бровь и даже голову наклонил, как любопытный попугай. И только взгляд остался холодным, цепким. Иван Сергеевич недовольно скривился, заглянул в чашку – не осталось ли там кофе.

Чашка была пуста, только на дне болталось немного вязкой гущи. Продюсер сделал вид, что пьет, дабы выиграть время. Под взглядом Черского ему стало как-то неудобно.

– Спекся Рындин, – нехотя пояснил он. – Он у нас в сериале бандита играет, но сорвал уже несколько съемочных дней, да еще тут куролесит, решили мы его убить.

Теперь бровь Егора поползла вниз.

– Ну, не взаправду, конечно, – хохотнул продюсер. – В сериале. А поскольку новый сезон начнется без него, то и на передаче ему делать нечего. Ну, что, согласен?

– А у меня проблем с Рындиным не будет? – осторожно осведомился Егор.

– Да брось, какие с ним могут быть проблемы?

– Ну, мало ли...

– Не будет, я тебе гарантирую. Так что? По рукам?

Егор кивнул и улыбнулся чуть теплее.

– Отлично, – обрадовался Иван Сергеевич. – Давай, сходи на пробы. Ты, конечно, профи, но мне нужно и картинку посмотреть. Если все будет пучком, завтра начнем работать. На пробах все было пучком.

Работа действительно оказалась несложной. По сравнению с бешеным ритмом собственной программы Егора кулинарное шоу выглядело оазисом спокойствия. Вместо приглашенных знаменитостей Егору ассистировали две помощницы режиссера, которых он пытал каверзными вопросами. Выглядело это настолько живо, что продюсер, с удовольствием отсмотрев эфирные сорок минут, без лишних разговоров подsunул Егору контракт. И только на следующий день, приехав на съемку, Егор убедился, что здесь, среди кухонных

комбайнов и тостеров, ему может быть крайне неудобно. Беды ничто не предвещало до того момента, пока Егор не взял в руки сценарий и не прочитал список приглашенных гостей.

На телеканале любили склоки и скандалы. Этим он славился с момента его основания. Здесь не приветствовались старые добрые посиделки с уважаемыми людьми, монотонно рассказывающими о своем житье-бытье. Дикторы не стремились выглядеть лучшими друзьями приглашенных, смотрели на них с недобрым прищуром, с удовольствием стравливали гостей друг с другом и наслаждались заваренной кашей. Гости вцеплялись оппонентам в волосы, обливали их водой и с наслаждением били друг другу морды. Рейтинги канала зашкаливали, а телезрители, отслеживавшие анонсы, с нетерпением ждали, что выкинет очередная звезда.

Сидя в маленькой гримерной, Егор читал сценарий и чувствовал, как волосы встали дыбом.

– Вы с ума посходили, что ли? – спросил он у помощницы режиссера. – Ладно, Залевского дернули во время очередного запоя, это фигня. Но какого хрена вы поставили в пару Голубеву и Черницына? Рая, ты что, с дуба рухнула? Они же поубивают друг друга.

– Да ладно, – отмахнулась смешливая Раечка, которой было глубоко все равно, кого ставить на эфир. – Нам же лучше будет, если они передерутся.

– Они хоть знают, кто с кем будет состязаться?

Раиса пожала плечами. Она только что пришла работать на телевидение и не понимала местной кухни. Какая разница, кого с кем ставить в пару? Главное – засветиться в эфире. А артистов хлебом не корми, дай поблистать в прайм-тайме, да еще денег за это получить.

– Значит, так, – скомандовал Егор. – Меняем все местами. Черницына поставим с Залевским, а Голубеву – с шеф-поваром из кабака. Это и честнее будет, и мы, глядишь, живыми уйдем.

– Начальство не согласится, – возразила Раечка. – Оно уже сценарий утвердило.

– Я сам к начальству пойду, пока не поздно еще. Как только я отзвонюсь, найди Голубеву и скажи ей, чтобы она приехала на два часа позже.

– На фига нам такой геморрой? – возмутилась Раечка.

– Геморрой будет, если мы все как есть оставим, – пояснил Егор, сгреб в кучу разрозненные листки сценария и пошел к дверям. – Будут искать – я у шефа.

Раечке было все равно, потому возражать она не стала. Ее дело людей на передачу пригласить, проследить за тем, чтобы вовремя приехали, были довольны, накормлены, напоены, а личный автотранспорт звезд не сгинул на стоянке, напоминающей Бермудский треугольник. Почему-то часто так получалось, что артисты, приткнув свои «Мерседесы» и «Лексусы», потом никак не могли их отыскать. Вот и приходилось Раечке, высунув язык, носиться по тесно заставленной разномастными авто стоянке и искать забытых железных коней. На прошлой неделе, к примеру, потерялся «Ягуар» самого Теодора Алмазова, который в кои-то веки сам сел за руль. Когда машину нашли, она оказалась, вопреки утверждениям певца, вовсе не «беленькой», а цвета «металлик», а уж какой у нее номер – певец и давно не мог сообщить. Привык, знаете ли, видеть машину изнутри, а потому, едва захлопнув дверь, позабыл, какого она цвета. Да и немудрено. Гастроли, съемки и постоянно новые, незнакомые машины, водители с одинаково стриженными затылками...

Впрочем, были куда более забавные случаи, вроде казуса с певцом Андреем Сеницыным, бездарно провалившимся на европейском музыкальном конкурсе. Сеницын приехал на съемку в кабриолете веселенького канареечного цвета, а покидая Останкино, обнаружил в нем кучу мусора. Не помогла ни репутация, ни охрана, впрочем, исполняющая свои обязанности спустя рукава...

Егору до этих мелочей не было дела. Куда больше его волновал предстоящий эфир. Нет, волновал – не совсем верное слово. Предстоящая съемка должна была стать крайне... неприятной.

Во-первых, Залевский, по паспорту – Алексей Пузиков. Конечно, эта фамилия крайне не подходила герою дамских грез, потому Алексей и сменил ее на более пристойную. В молодые лета он сыграл одну из главных ролей в трилогии на историческую тему. Благородного гусара, спасающего честь державы, мгновенно полюбили зрители, а за Залевским моментально закрепилась репутация рыцаря, готового на любой подвиг ради Отечества или прекрасной дамы. Зрительницы умирали от любви, слали письма, залитые нежными слезами, и были готовы на все за один только его взгляд или улыбку.

На деле слава Казановы была несколько преувеличена. В жизни от киношного благородства не оставалось и следа. Залевский частенько поколачивал своих жен, которых к его сорокалетию насчитывалось уже пять, а количество не битых им любовниц заметно уступало количеству битых. Былая красота уже начала растворяться в обрюзгшем, стареющем теле, да и длительные запои не придавали актеру шарма. Однако чем старше становился Алексей, тем моложе были его подруги.

Во хмелю Залевский был буен, устраивал драки на съемочных площадках, требуя привилегий. Режиссеры снимали его больше по привычке, когда следовало украсить кадр знакомым лицом, но главных ролей предлагали мало, отчего Залевский еще больше пил и буянил.

Егор на ходу читал сценарий и мрачнел. В прессе лесным пожаром бушевал скандал. Залевский вышвырнул из дома свою пятую, а может, и шестую жену, предварительно столкнув ее с лестницы. Дама сломала два ребра и подала на супруга в суд. Дабы подогреть интерес к этой теме, руководство канала, владеющее также и газетой, пригласило Залевского на эфир.

Ну и как тут выкручиваться?

По коридорам Останкино, как хлопотливые муравьи, туда-сюда сновали люди, и каждый что-то тащил. Никто не старался идти степенно. Все носились, ускоряя шаг почти до бега, роняли папки и кассеты, демонстрируя всем своим видом невероятную занятость. Егор же по собственному опыту знал: стоит свернуть на лестницу, и там он увидит совершенно другую картину: медленно волочащих ноги курильщиков, бездельников из всех редакций, прячущихся от начальства, репортеров, обсуждающих эфиры, девиц школьного возраста, бесчисленных помощниц и секретарш. Туда, на лестницу, начальство заглядывало редко, предпочитая лифты. Не по рангу им по ступенькам носиться...

Егору же, несмотря на руководство собственной программой, было не привыкать носиться по лестницам. Вот только сейчас он был рад паузе и думал, как лучше выстроить разговор с Залевским.

Беседа о кулинарии может легко свернуть на домашнее хозяйство, а затем – и на супругу. И если Алексею не понравятся вопросы, он без особых церемоний устроит свару. А то и в драку кинется. Вон на прошлой неделе напал на журналистов, сломал им камеру, а репортера пнул в живот. Теперь репортер стал знаменитым и тоже собирается подавать в суд.

– Да вы злой, господин Пузиков, – хохотнул Егор, подходя к лифту. К начальству ехать было всего ничего, но не тащиться же по лестнице, встречая бесчисленных знакомых. Лифт застрял где-то внизу. Ожидая, пока пыхтящая кабинка подползет к этажу, Егор перелистнул пару страниц и вздохнул: Мария Голубева и Антон Черницын... Это уже во-вторых. Какой идиот позвал их на эфир вместе?!

Голубева и годившийся ей в сыновья Черницын были женаты около года, но после непродолжительного романа Антона и его партнерши по съемке певицы Рокси с треском развелись. Антон завел интрижку с девушкой Егора Аллой.

Дружбе пришел конец.

Егор с раздражением посмотрел на горевшую кнопку вызова. Лифт все не ехал. Скорей бы добраться до начальника, объяснить ему ситуацию и, перетасовав карты в колоде, разругать готовый вспыхнуть конфликт. Голубева никогда не выйдет в эфир вместе с бывшим мужем, и ее, народную артистку России, придется уважить. По сравнению с маститой экс-супругой Черницын выглядит бледно. Да, популярный актер, восходящая звезда и все такое... Но по-настоящему значимых ролей у него пока нет, в то время как Голубеву обожают вся страна за ее веселые комедийные роли. Значит, Черницына долой, пусть против Марии играет профессионал. Иначе она устроит бывшему мужу какую-нибудь пакость... По слухам, Мария не раз предпринимала действия против Черницына, в результате которых тому отказывали в съемках.

Хорошо ей, подумал Егор. Она может позволить себе не выйти в эфир, не терпеть рядом Антона. А что делать ему? Улыбаться в камеру, обнимать Антона за плечи, демонстрируя всему миру, что у них прекрасные отношения, хотя они не здороваются при встречах, старательно делая вид, что незнакомы?

Лифт открыл дверцы, выплюнув старых и проглотив новых пассажиров. Егор зашел внутрь, прислонился к стене и мрачно подумал, как все непрочно в их суматошном мире. Почему никто не подумал, что ему тоже будет неприятно видеть Антона? В блестящих металлических стенах кабинки отражались смазанные силуэты людей. Егор протянул руку своему отражению и потер потянувшиеся к нему холодные пальцы собственного двойника.

– Ничего, – негромко произнес он. – Прорвемся!

Люди, стоящие рядом, оглянулись, но он не обратил на это никакого внимания, разглядывая размазанное отражение, повторявшее его движения.

Мария Голубева сидела в кресле и смотрела на всех исподлобья. Рядом на гримерном столике стояла чашка чая и вазочка с вкусностями. В коричневой жидкости плавали чайники, лениво гоняясь друг за другом, фантики шоколадных конфет искрились под лампочками. Чашка была из категории «дежурных» – из таких поили гостей, когда те засиживались надолго.

Мария чаю не хотела.

– Какого хрена вы вообще меня позвали? – осведомилась она трубным басом. – Я что, должна сниматься... вот с этим?

Антон Черницын, подпиривший стенку, лениво пожал плечами и выпустил струю дыма. В крохотной гримерной, куда набилась почти вся съемочная группа, все курили, хотя правилами это было строго-настрого запрещено. Дым свивался кольцами, как напуганная змея, поднимался к потолку, впитываясь в побелку. Часы над дверью неумолимо двигали секундную стрелку, словно палач лезвие гильотины. Чирк – и нет секунды, чирк – вот и час прошел. В скандалах время пролетает быстро, а эфир неумолим. Он уже анонсирован и должен начаться именно в указанное время.

– Маша, успокойся, – негромко сказал Егор. – Накладочка вышла. Сейчас все исправим.

– Накладочка? – вскипела Мария и оттолкнула от себя трясущуюся Раечку, не к месту сунувшуюся к ней с кипой салфеток. – Накладочка – это когда ты заказала семгу, а тебе принесли мороженого хека. Вот это – накладочка. А это, пардон за французский, х...ня. Гоша, я тебя, конечно, люблю и уважаю, но если не умеешь руководить процессом, не берись!

Раечка забилась в угол, наблюдая за ссорой с хорошо разыгранным ужасом. Ну, не дозвонилась она Голубевой, тоже мне, происшествие. Та, как на грех, удачно миновала все московские пробки и прибыла в телецентр точно по расписанию. И здесь же, у лестницы, лоб в лоб столкнулась с Черницыным, приехавшим еще раньше.

У Голубевой хватило выдержки не устраивать скандал прямо у входных дверей. Она поднялась наверх и излила душу там. Все это время Антон стоял рядом и презрительно усмехался дрожащими губами. Все это время Егор с побледневшим от напряжения лицом метался между ними, стараясь загасить конфликт. Получалось так себе, и он это прекрасно понимал, отчего лихорадочно курил, выпуская вверх клубы дыма. Антон смотрел на Голубеву с усмешкой, казавшейся подделкой.

Интересно, думала Раечка, неужели правда, что они были женаты? Нет, то, что они сочетались в ЗАГСе, она знала, но... может быть, это лишь пиар-ход? Она внимательно оглядела Антона.

Хорош, ничего не скажешь. Высокий, мускулистый, с пронзительными светлыми глазами и хищным носом. Над ремнем, правда, уже слегка выпирает животик. Мужуку только дай волю, деньги и толику свободы – и он из поджарого волка превратится в жирного борова. Но все равно хорош! Что он делал рядом с этой старой развалиной?

«Старая развалина» загасила окурок в пепельнице и пробасила, словно медведица:

– Короче, так: или вы немедленно разруливаете эту ситуацию, или я уезжаю. А по пути зайду к вашему главному и выскажу все, что думаю о вас, в мелких подробностях. Понятно?

– Маш, не надо куда-то ходить, не суетись, – поморщился Егор и запустил руку в волосы, откидывая челку назад. – Все уже решено. Рая, повар подъехал?

– А? – всполошилась та.

– Бэ! Повар, говорю, подъехал?

Раечка пожалала плечами, а потом спохватилась:

– Может быть, и подъехал. Я вниз сбегая, хорошо?

– Пулей! – скомандовал Егор и повернулся к разъяренной Голубевой: – Маша, поверь, я принял меры, как только увидел, кого поставили с тобой в пару. Сама видишь, какой тут бардак, а я буквально вчера пришел на канал.

– Я сейчас расплачусь, – съязвила Голубева.

– Маш, ну хватит. Все уже решили, переиграли. Поставим тебя в паре с шеф-поваром. Он, между прочим, жгучий итальянец, специалист по пасте и пицце. Или чего они там еще едят? И все будет чики-пуки. Антон снимется вместе с Залевским.

– Почему это он с Залевским, а не я?

– Хочешь ты? Пожалуйста. Только тогда придется ждать. Его все равно еще нет.

– То есть в этом случае ждать придется мне? – вмешался Антон. – И с какой стати?

– Антон, – ровным тоном произнес Егор, – позволь, я утрясу одну проблему, а потом займусь тобой. В конце концов, ты джентльмен, уступи даме.

– Ничего я не собираюсь уступать, – взвился Антон. – С какой стати? Я теперь должен откладывать все дела и ждать, пока вы отснимете эту старую каракатицу?

– Ах ты, паразит! – ахнула Мария. – Да ты же мне руки целовал, а теперь я – старая каракатица?!

– Ну, я не буду уточнять, куда ты целовала «этого паразита», – парировал Антон.

– Сучонок, – прошипела Голубева, схватила чашку с остывшим чаем и швырнула ею в Антона. Чай вылился на Егора, чашка врезалась в косяк и брызнула осколками именно в тот момент, когда в дверь влетела запыхавшаяся Раечка.

– Мама! – взвизгнула она и, зажмурившись, шагнула назад. Егор взвился вверх и заорал:

– А ну, прекратили все! Всем молчать и слушать только меня.

Оглушенные воплем члены группы, и даже Мария и Антон, притихли. Только Раечка всхлипывала в коридоре. Егор резко втянул ее в комнатушку и закрыл дверь.

– Значит, так, все делают то, что я говорю. Рая! Хватит ныть, в тебя ничем не попало! Отвечай: повар приехал?

– При-приехал, – пробулькала напуганная Раечка. – Я его пока в холле усадила на диванчик.

– Отлично. Иди и карауль его, чтобы не смылся. Кофе там дай или журнал. Ты, – Егор ткнул пальцем в Марию, – не желаешь сниматься с ним?

Он мотнул головой в сторону Антона. Мария, кипевшая от ярости, лишь кивнула, все-рез опасаясь, что если откроет рот, то взорвется. В приоткрытое окно дуло. Ветерок гулял по комнате и неприятно охлаждал спину. Голубева подумала, что надо будет попросить прикрыть окно, иначе завтра она сляжет с простудой.

– Ты не желаешь ждать? – спросил Егор у Антона.

Тот высокомерно кивнул:

– Естественно. Не моя проблема, что вы все перепутали, и я...

– Так, тихо, ша! – прервал Егор и на минуту задумался. – Маша, у тебя время есть?

– Нет, конечно, – возмутилась она. – Я, между прочим, сегодня еще спектакль играю.

– Тогда два варианта: или вы оба идете на эфир вместе, или кто-то уступает. Ну, а поскольку никто из вас уступать не хочет, добровольца я назначу принудительно.

– У меня спектакль, и я пойду первой, – стиснув зубы, процедила Мария. Антон фыркнул.

– Я тогда вообще уйду, и выпутывайтесь, как хотите.

– Да без проблем, – отмахнулся Егор. – Поставим с Залевским итальянца. Пусть макароны по второму кругу приготовит, делов-то... А завтра отснимем кого-то еще. Мы же в записи идем, так что нам фиолетово, какая очередность будет. Эфир в субботу, у нас еще уйма времени. Можешь уходить.

Антон прищурился, а потом нехотя произнес:

– Ладно, черт с вами. Подожду Залевского.

– Вот и чудно, – спокойным тоном сказал Егор. – Коля, сходи за Раей и поваром. Сейчас начнем работу. Ира, Марию на грим. Антон, подожди в кафе или, если хочешь, можешь в студии посидеть со зрителями. Так... все, все, все, за работу!

Гримерка, только что напоминавшая разворошенный муравейник, мгновенно опустела. Внутри остались только Голубева, гри머ша и Егор, неподвижно уставившийся в пол. Сизый дым сигарет медленно вытягивался на улицу.

– Гош, – сказала вдруг Голубева. – Ты прости меня, дуру старую. Сам понимаешь, как мне неприятно его видеть.

– Я понимаю, – ответил Егор.

Его голос был тусклым, как сгоревшая лампочка. Мария вдруг пожалела этого красивого, но бесконечно холодного мальчишку.

Переживает... Не то что этот поганец!

Мария вздохнула и проникновенно сказала:

– Не подумай, я очень ценю, что ты сейчас для меня сделал... Просто... Просто иногда приходится включать стерву. А иначе никак. Здорово ты его припугнул. Он теперь шелковый будет, морду-то надо рекламировать...

– Маш, не парься.

– Но...

– Не парься. Я сделал это ради эфира. Ну, и немножко – ради себя.

– Стоп! Снято! – скомандовал режиссер. – Всем спасибо!

Егор еще минуту стоял, пластмассово улыбаясь в камеру, пока с него снимали микрофон и передатчик, прикрепленный к поясу. По спине текли холодные струйки пота. Ну и эфир, черт его раздери...

– Егор, ты молодец, – протараторила Раечка, отнимая у него папку со сценарием. – Блестящая импровизация. Все-таки Рындиному до тебя далеко... Пойдем уже, передохнешь...

– Да, – ненатурально бодрым голосом сказал Егор. – Сейчас.

Колени тряслись совершенно неприлично. Егор посмотрел на них с удивлением. Что это с ним? Можно подумать, первый эфир...

С Голубевой проблем не было. Получив свой пакет с продуктами и итальянца-повара в качестве оппонента, она приготовила обед, сыпала прибаутками и актерскими байками, за что в итоге совершенно заслуженно получила признание зрительного зала и кухонный комбайн, нужный ей, как рыбке зонтик...

Итальянский повар был забавным: очень толстый, лысый, с собранной в складки на затылке кожей, отчего казалось, что сзади у него вылезают излишки мозга. Он смешно расставлял ударения и не всегда понимал, когда к нему обращались с тем или иным вопросом. Однако его это не смущало: тараторил, как сорока, не переставая одновременно что-то рубить, резать и шинковать, поглядывая на Голубеву с заметным интересом.

– Когда я поступала, то не знала ровным счетом ничего, – поведала Мария, как только камеры развернулись в ее сторону, прицелившись злыми красными огоньками. В ее руках мелькал нож, которым она безжалостно рубила кабачок. – Помните, у нас был такой предмет – научный коммунизм? Ах, ну да, откуда вам помнить... Предмет ужасный и к актерской профессии никакого отношения не имеющий. А преподавателем у нас был жуткий гад. Его ненавидели все, и я в том числе. Но что делать? Предмет надо было сдавать...

– И что же вы сделали? – сочувственно поинтересовался Егор.

– Я всегда была чертовски предусмотрительна, – похвасталась Мария и высыпала кабачки на шипящую сковороду. – Сами понимаете, выучить это было невозможно. Я учебник даже не открывала. Вместо этого я накатала преподавателю письмо откровенно эротического содержания, где в мелких деталях признавалась ему в любви. Без подписи, естественно...

– Так-так? – заинтересовался Егор. – И что?

– И все. Оставшееся время до экзаменов смотрела на учителя томными глазами влюбленной коровы. А на экзамене расплакалась, сказала, что от любви двух слов связать не могу. Это была моя первая трагическая роль.

Кабачки шипели, на другой половине студии, где орудовал итальянец, смолк блендер. Повар заинтересованно прислушивался к словам Марии.

– В результате мне поставили пятерку, хотя я ни одного слова не произнесла на тему, – удовлетворенно сказала Мария.

– Неужели эта история не имела продолжения?

– Еще как имела! Но, к счастью, на следующий год изучать научный коммунизм было уже не нужно, так что я без труда пресекла все попытки педагога пощупать меня за... мягкое место...

Голубева заразительно рассмеялась. Вместе с ней захихикал Егор, разразилась разнокалиберным смехом студия, и даже итальянец, понимавший через слово, издал неопределенный смешок.

Нет, этот эфир, несмотря на нервотрепку перед началом, прошел отлично. Легкие нестыковки без труда уберутся при монтаже. Атмосфера на площадке царила праздничная. Актриса непринужденно шутила, на бис спела пару частушек на грани приличия, и даже итальянец порадовал зрителей акапельным исполнением оперной арии.

Совсем другая картина получилась, когда на освободившееся место вышли Антон и Алексей Залевский. Залевский опоздал на сорок минут, приехал изрядно пьяным и с большим трудом соображал, что от него требуется.

Но самым неприятным стало присутствие на площадке Антона. Егору приходилось улыбаться и язвить в меру, делая вид, что они лучшие друзья. От фальшивой улыбки сводило щеки, и к концу съемочного дня казалось, что кожа его лица сделана из резины. Перед финальными кадрами Егору пришлось обнять за плечи пьяненького Залевского, который почти не держался на ногах, и неестественно держащего спину Антона, вздрогнувшего от прикосновения. Егору припомнился старый детектив, где преступник вот так же обнимал свою жертву, зная, что под рубашкой у него открытая рана, и с наслаждением надавливал на нее. Знать бы, где такая рана у Черницына...

Когда помощники отцепили с Егора микрофон, он устало побрел в сторону гримерной, слишком измотанный и нервный, чтобы с кем-то разговаривать. Девушки со студии складывали еду и куда-то тащили. Егор вспомнил, что вроде бы после съемок намеревались устроить небольшую пирушку. Персонал всегда после передачи поедал приготовленную звездами еду. Он пожалел, что ему не достанется обед, приготовленный итальянцем. Наверняка от первой съемки ничего не осталось, а он даже не попробовал толком. В животе заурчало, и Егору стало себя немного жалко. Он решительно направился к выходу. Две фигуры бросились наперерез:

– Егор!

Он скривился. Да, конечно, как он забыл о присутствии Маринки!

Она стояла на дороге, к тому же не одна, а вместе с подружкой, пошло размалеванной брюнеткой с упругими, торчащими из топики грудями. Охрана, как на грех, куда-то запропастилась. Наверное, охраняла куда более значимую особу, чем скромный телеведущий Егор Черский!.. Залевский, с трудом отбившись от желающих получить автограф, скрылся в коридорах студии. Антон тоже ушел, а съемочной бригаде, сматывавшей шнуры и убиравшей осветительные приборы, было не до Егора.

– Привет, – улыбнулась брюнетка. – Я – Лена.

– Очень рад, – холодно ответил Егор. – Марин, ты чего-то хотела?

Она покраснела, но глаза смотрели зло. Он вспомнил, что обещал поболтать с ней после съемок, но делать это совершенно не хотелось. Еще до съемок он внимательно осмотрел ее с ног до головы, отметив, что выглядит она плохо. Марина похудела, да и вид у нее был какой-то помятый, словно неделю спала в одежде.

Она еще не успела сказать ни слова, а он уже все знал. Сейчас начнется старая песня: хочу в шоу-бизнес, помоги, пристрой, протолкни. У тебя есть знакомые, связи и авторитет, пусть не самый большой, но все-таки весомый... Когда она жила этажом ниже, то частенько ходила в гости и все намекала, с неуклюжей прямолинейностью, что он должен взять на себя ее проблемы. Егор уклонялся с неизменной категоричностью.

– Давно тебя не видела, – выдавила Марина. – С тех пор, как ты переехал.

– А ты все там же живешь? – равнодушно поинтересовался он и посмотрел куда-то поверх ее головы. Он специально осваивал этот взгляд страшно занятого человека, чтобы дать понять окружающим: ему некогда. Как правило, окружающие понимали и не возмущались, когда он, прервавшись на полуслове, покидал их с вежливой улыбкой.

На Марину и ее подружку этот финт не подействовал. Они стояли каменной скалой, не двигаясь и не уходя с пути.

– Нет, я... давно сменила квартиру...

– Посторонись! – рявкнул осветитель.

Они шарахнулись в стороны, а мужчина протащил мимо них свернутые кольцом провода, размером с обруч. Егор подумал, что это отличный предлог сбежать, и сделал шаг прочь.

– погоди! – воскликнула Марина и резво схватила его за рукав. Помявшись пару секунд, она беспомощно произнесла:

– Мы можем поговорить?

– Егор! – крикнула от дверей Раечка. – Пойдем, там уже полянку накрыли. Коньячку хряпнем. Пойдем, а то нам ничего не достанется!

Он сделал неуловимое движение в сторону двери и тут же почувствовал, что женские пальцы еще крепче вцепились ему в руку. Егор повернулся к Марине и строго посмотрел на ее руку. Марина разжала пальцы и нервно облизала губы.

– Пожалуйста, – прошептала она.

Егор вздохнул. Раечка у дверей корчила рожи.

– Пойдемте, – решил Егор. – Посидим, выпьем, вспомним старое, обсудим новое.

В примерку набилось столько народу, что когда опоздавший Егор ввел туда Марину и Лену, места им не нашлось. Съемочная бригада торопливо поглощала приготовленные звездами яства, пила коньячок и негромко переговаривалась. Приглашенные звезды сидели на стульчиках наравне со всеми. Антон молчал, а Залевский, которого уже развезло, рассказывал очередную байку из своей жизни. На вошедшего Егора он едва обратил внимание, а вот девушек заметил и вальяжно махнул рукой:

– Девахи, входите. Садитесь дяде Леше на коленочки...

Егор криво усмехнулся. Марина отважно шагнула вперед и, протолкавшись, действительно устроилась у Залевского на коленях. Для Лены нашлось место рядом с Антоном.

– Ах да, – спохватился Егор, – забыл представить. Это Марина, моя старая знакомая, а это ее подруга... Лина.

– Лена, – поправила та и ядовито усмехнулась. Знаем, мол, мы таких, которые якобы не помнят имена.

– Да. Это Лена. Марина у нас певица. А Лена...

– Ну, я пока только учусь, – сказала та и потупила взор, что выглядело невероятно фальшиво.

Антон уже косился на ее полуобнаженную грудь с интересом. Егор шагнул к дверям.

– Ты куда? – бдительно поинтересовалась Раечка.

– Покурю пойду.

– Какое «покурю»?! Сейчас сметут все...

Егор холодно улыбнулся, подхватил пиджак и вышел.

Не хватало еще обедки жрать! Да и сидеть за одним столом с Антоном, выслушивая пьяные рассказы Залевского, не хотелось. Через закрытую дверь до него донесся смазанный голос когда-то самого красивого актера страны:

– ...и тут я достаю шпагу и делаю выпад. Кто же мог подумать, что он без трусов...

В спину ударил сдержанный смех. Егор скривился, натянул пиджак и пошел к лифту. Надо бы смыть грим, переодеться, но ждать, пока пьяная компания уберется из гримуборной, не было сил. Сегодня все перенервничали. Новый ведущий, скандал с Голубевой и Черницыным, да еще Залевский пьян как свинья!

Пусть расслабляются. В конце концов, руководитель программы с ними, а Егор всего лишь ведущий, с него взятки гладки...

Или надо было проставиться?

Не сегодня, решил он, идя вниз. Не горит. Народу все равно, когда напиваться, и потом, может быть, у них принято делать это в ресторане? В конце концов, он может позволить себе накормить и напоить всю группу, не особенно напрягаясь. Конечно, до гонораров его постоянной партнерши Аксины Гайчук ему еще далеко, но даже с одного корпоратива он получает столько, сколько год назад даже не снилось...

Как же все-таки есть хочется!

Подбираясь к своей «Инфинити», Егор пытался вспомнить, когда он нормально ел в последний раз? Вчера утром – чашка кофе, вечером он вообще к еде не притрагивался, ну а сегодня поест и вовсе не было времени из-за дикой неразберихи, все носились туда-сюда, задавая друг другу глупые вопросы. Все, что он успел, это поклевать приготовленные гостями блюда прямо во время съемок, памятуя, что пробовать надо все по чуть-чуть, иначе в кадре его жующая физиономия будет выглядеть глупо.

До дома два часа езды. Это еще – не учитывая пробки! Так и помереть можно...

Он неожиданно разозлился. Какая, к дьяволу, разница? Завтра у него относительно свободный день. На телевидение нужно подъехать к обеду, если, конечно, не случится ничего экстраординарного, дома никто не ждет. Можно заехать в первый попавшийся ресторан и отдохнуть, насладиться хорошей кухней...

«Инфинити» приветственно мигнула фарами, мотор заурчал, согревая салон. И почему простая мысль поужинать вне дома казалась ему прежде чуть ли не преступной?

«Потому что ты сам себе придумал какие-то правила, – хихикнул внутренний голос. – Ужин непременно у себя, домашние обеды, пюре и котлеты, ну, или печеная курица. И ничего, что ты ничего не успеваешь, а потому забиваешь морозилку пельменями и потом ешь их, макая в майонез. Трапеза должна хотя бы выглядеть пристойно! И потому ты даже к пельменям выкладываешь на салфеточку нож, а потом строго следишь, чтобы салфеточка свисала со стола одним уголком не более чем на три сантиметра. Это не педантизм, это уже мания!»

Если ему приходилось выступать на корпоративах, да еще поздно вечером, он старался не наедаться там. К тому же приходилось следить за вездесущими паппарацци, так и норотившими запечатлеть его с набитыми едой щеками. Потом он ехал домой, голодный, иногда с мисочкой еды, взятой в ресторане, утешая себя, что дома-то поест как следует, но по пути так уставал, что сил едва хватало на душ. Мисочка отправлялась в холодильник, еду разогревали утром, но она уже не выглядела столь аппетитной.

Егор посоветовал внутреннему голосу заткнуться, но отрицать очевидное было не в его правилах. Вклинившись в тесный поток автомобилей, он ехал и мрачно думал о том, когда все началось.

Наверное, еще зимой, сразу после того, как погибла мама, причем при весьма странных обстоятельствах. Потом были похороны, а потом лучший друг и его девушка сделали нечто гадкое...

Потом было несколько случайных романов – торопливые, беглые поцелуи, обещание позвонить, и тишина.

В животе стало как-то холодно.

Не в силах больше терпеть это жуткое сосущее чувство, он прижал машину к бордюру у первого попавшегося ресторана и выскочил на улицу, дохнувшую холодом, бензиновыми парами и сыростью. Двери ресторана распахнулись, выпуская какую-то парочку, и Егору в лицо ударила волна вкусного запаха. Скорее, скорее... Сейчас он сядет за столик и закидает черную дыру в желудке вкусным, а потом уже не будет так страшно и одиноко...

Столики, окруженные диванчиками с высокими кожаными спинками, были расставлены хаотично. Каждый подсвечивался фонариками разных цветов, отчего казалось, что посетители находятся каждый в свое мирке... это было как-то невероятно уютно. Ненавязчивая, спокойная музыка заливалась металлическими голосами саксофонов. Посетителей было не слишком много, за спинками кресел их почти не было видно, и только сигаретный дым выдавал их присутствие. Егор плюхнулся за свободный столик.

Официантка шла к нему так долго, что когда это наконец-то случилось, ему захотелось ее ударить.

– Добрый вечер, – сказала она и протянула ему кожаную папку. Когда она попробовала отойти, чтобы позволить клиенту выбрать блюда, он удержал ее отточенным барским жестом:

– У вас есть отбивные?

– Конечно.

– Тогда мне отбивные, картофель, греческий салат. Потом кофе.

– Желаете аперитив?

– Нет. Только то, что я сказал. И, если можно, побыстрее.

– Будете что-нибудь к кофе?

– Что?

– Пирожные, выпечка, сыр...

– Нет, только кофе.

Она невозмутимо записала заказ, кивнула с легкой улыбкой и ушла. Егор вытащил из кармана сигареты и закурил. Когда он подносил зажигалку к сигарете, то заметил, что руки трясутся.

Это уже совсем никуда не годилось.

Официантка материализовалась из полумрака с приборами и пепельницей. Егор не пошевелился, когда она раскладывала перед ним нож и вилки на салфеточку, которая свисала со стола уголком на целых три сантиметра. Как только официантка отошла, он быстро сдвинул розовую материю так, чтобы она полностью оказалась на столе.

Подобное действие, совместно с желанием отказаться от ужинов в пустой квартире, внезапно показалось ему смешным бунтом, а чувство смутного беспокойства, придушенное сигаретой, отступило с позором. Егор нервно рассмеялся, откинувшись на спинку диванчика. В конце концов, бунт – это весело, даже если его никто не заметит.

Ему едва хватило терпения подождать, пока официантка поставит перед ним ужин и отойдет подальше. Густой дух отлично приготовленных отбивных сводил с ума. Он с урчанием накинудся на мясо, как изголодавшийся кот, и потому не сразу заметил, что рядом кто-то стоит. И только когда хорошо знакомый голос обратился к нему, Егор поднял глаза – и едва не подавился. Он торопливо глотнул, почувствовав, что щекам стало невыносимо жарко.

Алла уселась за столик без приглашения и, подперев голову рукой, сказала хрипловатым голосом, от которого он когда-то сходил с ума:

– Привет. Вот уж кого не ожидала тут увидеть.

Приглушенное, почти интимное освещение не скрыло от Аллы его секундное замешательство. На мгновение он даже покраснел, но потом делано улыбнулся:

– Добрый вечер.

«Добрый вечер».

Сказано таким ледяным тоном, что по коже мурашки побежали. И улыбка – одними губами, а ведь раньше в его глазах, темных, как омуты, вспыхивали искорки, едва он видел ее.

– Как дела? – спросила Алла.

Фразочка та еще, да и прозвучала фальшиво...

– Хорошо.

И снова – хруст льда в голосе. Знакомым движением он запустил пальцы в волосы и словно смутился от того, что они так быстро кончились. Раньше он ходил с другой прической, позволяя длинным прямым прядям развеиваться на ветру. И при каждом удобном случае запускал руку в волосы, не сознавая, что это движение его выдает...

Алле внезапно захотелось сказать что-то такое, что вывело бы его из себя. Заставило бы злиться. Нервничать. Смеяться. Что угодно, лишь бы разбить корку этой холодной, ни

к чему не обязывающей вежливости двух совершенно посторонних людей. Но, как назло, в голову не приходило ничего подходящего.

Официантка поставила перед ним тарелки и выжидающе посмотрела на Аллу.

– Мне зеленый чай, пожалуйста, – твердо сказала она.

Егор дернул бровью, а на губах появилась легкая усмешка.

– Ты без денег, что ли? – спросил он.

– Почему сразу без денег? – возмутилась она. – У меня полно денег. Целые кучи. А ты чего такого заказал?

Она сунула нос в его тарелку и усмехнулась:

– Надо же, мяско... Как-то по-плебейски, Черский. Чего ж так бедненько-простенько? Надо было заказать омара. Здесь отличные омары.

– Рекомендуешь?

– Ага. Я тут на прошлой неделе кушала омара! Сказочно. Правда, жутко дорого, но ты ведь у нас мальчик богатый.

Он отвернулся, побарабанил пальцами по столу, а потом посмотрел на официантку и улыбнулся совершенно по-другому, тепло и искренне:

– Принесите девушке омара. И зеленый чай.

Алла вспыхнула.

Официантка улыбнулась и ушла.

Егор начал резать мясо на кусочки. Алла внимательно следила за его руками, которые сотрясала едва заметная дрожь. Она взяла его вилку и насадила на нее кусочек мяса:

– Не возражаешь, если я у тебя тут немного попасусь?

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался Егор.

Алла сунула мясо в рот и придвинула к себе салат:

– Честно говоря, у меня здесь выставка. Ты же помнишь, я немного писала. А после того, как ты выгнал меня с работы, я стала писать еще больше.

Она ковырялась в салате, поглядывая на Егора исподлобья. Смутится? Разозлится? Обидится? Егор откинулся на спинку диванчика и смотрел на нее без эмоций. Под его тяжелым взглядом есть было неприятно. Алла отодвинула салат и замолчала.

Егор разглядывал ее с каким-то странным, смешанным чувством. Сколько они прожили вместе? Больше года. Он даже подумывал о женитьбе и временами, тайком от нее, с легким любопытством разглядывал кольца на витринах. А потом что-то сломалось, сжалось. Он, задавленный новой работой, новыми обязанностями, выпустил ее из виду, иногда раздражаясь от ее присутствия и настойчивых попыток обратить на себя внимание, в то время как ему, издерганному и злему, требовалось несколько часов тишины и одиночества. Алла, растерянная и напуганная его странным поведением, в какой-то момент бросилась в омут новой страсти, не сознавая последствий.

Теперь она казалась ему совсем иной. Она постриглась, став очень стильной с этим удлиненным каре с закругленными прядями, слегка похудела, отчего линия скул казалась более четкой. Даже глаза, зеленые, как у ведьмы, смотрели по-другому. Во всей манере держаться появилось что-то новое, притягательное и одновременно раздражающее.

– И что там, на выставке? – спросил он.

Она пожала плечами неопределенно, словно сама не знала:

– Картины.

– Как неожиданно, – фыркнул он. И в этом фыркании была частичка его прежнего, так что Алла даже воодушевилась.

– Хочешь посмотреть? – предложила она. – Мы, правда, еще не открылись. Только завтра будет торжественная часть. Но у меня есть ключ.

– Скажите пожалуйста, торжественное открытие, – усмехнулся он. – Светское общество прилетит жрать халявные бутерброды?

– А то! Все как у больших. Так хочешь посмотреть?

– Можно, – неопределенно сказал Егор, отобрал у нее вилку и принялся есть. – Сегодня у меня как раз свободный вечер.

– Говорят, тебе предложили новую работу? – любопытствовала она. Заявление о свободном вечере прозвучало почти как приглашение. Алла обрадовалась и забыла об осторожности.

Егор посмотрел исподлобья и сказал все тем же ледяным тоном:

– Ну да. Твой любимый сегодня был на съемках.

– Какой любимый? – не поняла Алла.

– А у тебя их много?

Краска бросилась в лицо. Ну да, конечно, он говорил об Антоне. Пока она обдумывала, что ответить, официантка принесла омара, громадного, как танк, совершенно шикарного, обложенного какими-то овощами. Алла вдруг почувствовала себя несчастной.

– Разумеется, – весело сказала она, не дожидаясь, пока официантка уйдет. – Как в сору роюсь, выбираю. Ты уж конкретизируй, кто там у вас был.

– Антон, конечно, – пожал плечами Егор.

– Э, да ты отстал от жизни. С Антоном мы давно расстались. Выяснилось, что мы совсем не пара, – рассмеялась Алла и пропела: – Вот такая вот у нас запара, запара!

Внимательно наблюдая за каждый его движением, она старательно придерживалась выбранной линии поведения, веселилась, хотя больше всего хотелось зарыдать. Столько времени прошло, но она оказалась совершенно неподготовленной к встрече.

Как там у Лопе де Вега? «Вас видеть – худшее из зол»?

Он опустил глаза в тарелку и принялся молча жевать, стараясь не встречаться взглядом, а Алле было так горько, словно омар плавал в блюде желчи, и она глотала ее, кривясь, с трудом сдерживая слезы. Нет, его ничем не пронять... Она раздраженно оторвала клешню омара, дернув ее к себе. Овощи рассыпались на скатерть, туда же брызнул жирный соус.

– Ножку не отшибешь? – сочувственно спросил Егор, и в его голосе послышалась прежняя насмешливая нотка.

– Не волнуйся, – буркнула она, добираясь до сочного мяса. Саксофоны все играли, пронзительно и жалостливо, словно издеваясь...

Когда подали кофе и заказанный Аллой зеленый чай, Егор добродушно спросил:

– И где эта галерея, или что там у тебя?

– Прямо за углом, – ответила Алла, сразу повеселев. – Хочешь посмотреть?

– Ну, давай.

Снизошел. Смотрите, какая цаца!

Она выпила чай одним глотком. Живя с ним, Алла привыкла пить едва ли не кипятком, потому что Егор не выносил чуть тепленьких напитков. Он в два счета расправился со своим кофе и, изучив счет, небрежно сунул деньги в кожаную книжечку, не удосужившись дождаться сдачи. Алла смотрела во все глаза. Перемены были слишком очевидны. От прежнего неизбалованного парня не осталось и следа.

Егор помог ей надеть пальто. На улице он пошел к машине, но Алла помотала головой:

– Тут идти два шага.

Галерея была заперта, но Алла вытащила из сумки ключи и открыла дверь.

– Проходи, – сказала она. – Сейчас я запрусь и свет включу.

Он тут же на что-то налетел и беззлобно выругался, когда это перевернутое «что-то» захлопотало по пустому коридору. Алла заперла дверь и зажгла свет. На полу валялось детское жестяное ведерко.

– В куличики играли? – поинтересовался он.

– Ну да, нам же больше нечем тут заняться. Только в куличики и играем... Кисти в нем отмывают. У нас же тут всяческий хэнд-мэйд...

Она потянула его за руку, на ходу нажав на выключатель. Небольшой зал был оснащен тусклыми лампами, осветившими скромную экспозицию картин и фотографий. Снимков было больше. На них в основном была запечатлены цветы, красивые пейзажи и отдельные предметы, занимающие центральную часть композиции. Особо выделялись снимки ночного Кремля в странной, потусторонней дымке.

– Это я летом снимала, когда торфяники горели, – пояснила Алла.

Егор не ответил, покачался с пяток на носки и, круто развернувшись, пошел осматривать картины. Изучив их со скучающим видом, он вдруг наткнулся на большой портрет и застыл.

– Я назвала его «Портрет Дориана Грея», – тихо сказала Алла, неслышно подойдя вплотную к нему. – Я же обещала тебя написать.

– Почему... Дориана Грея? – осипшим голосом спросил Егор, глядя на свое лицо, написанное красками.

– Потому что тогда он представлялся мне именно таким. Красивым, порочным, желанным.

– А сейчас? Не таким?

– И сейчас таким. Он не изменился. Ты же помнишь легенду: менялся портрет, человек оставался прежним. А здесь все наоборот. Портрет тот же, а ты изменился.

Она с сожалением вздохнула.

Егор повернулся к ней и долго смотрел в лицо, а потом решительно прижал к стене и поцеловал.

Она была такой высокой, а он почти забыл об этом...

Алла пискнула от неожиданности, когда ощутила вкус его теплых губ, от которых пахло сигаретами и кофе. Она задохнулась, а потом с наслаждением выгнула спину, как ленивая кошка, пробудившаяся от сна. Горячие ладони Егора забрались к ней под свитер, прошлись по коже вверх-вниз, стирая выскочившие мурашки. Он с приглушенным рычанием рвал на ней неподатливые джинсы, пока она сама, путаясь и мешая, не расстегнула сперва свои, а затем его джинсы. В голове приятно звенела пустота...

В глазах Егора, черных и страшных, плескались золотыми рыбками огни ламп.

Алла зажмурилась, чтобы не видеть их...

Она не успела опомниться, как оказалась на полу, то ли на своем пальто, то ли на Егоровом, и впиалась ногтями в его спину. Мелькнула мысль: только бы не вернулись помощники, не застали их на полу галереи – голых, потных, с перекошенными от страсти лицами, и эта мысль вдруг ее сбила. Эйфория рассеялась, и хотя Алла пыталась думать о Егоре как о родном ей человеке, внутренним радаром женщины-кошки она ощущала: что-то не так...

Алла вспомнила в одно мгновение, как она хотела отомстить. Потом – чего-то добиться и доказать этому капризному мальчику, что он ошибся, но дело не в мелодраме о провинциалке, доказывающей самой себе, что Москва слезам не верит. Затем она выстроила десяток баррикад, убедив себя в том, что если встретит его, больно не будет. Но он появился, снес все заслоны одним небрежным жестом и как будто ткнул ножом в едва зарубцевавшуюся рану. А потом пришла боль. Не прежняя – яростная, с колючими иглами истерики и отчаяния, а тупая и противная, ноющая, как больной зуб...

Лежа на мятом пальто, она гадала: что чувствует он?

А Егор чувствовал себя абсолютно несчастным.

Если в первые минуты его точно так же накрыло горячечной волной, то потом никакого прилива страсти он не испытал. И, кажется, она тоже, потому что на лице Аллы он уло-

вил тень какого-то смутного беспокойства или непонимания. Он еще помнил из прошлой жизни, как она вскидывала брови, встречаясь с чем-то непонятным. Он старался от всей души, но понимал, что все пошло прахом, а в голове осенней мухой вертелась всего одна фраза песенки популярного девчоночьего дуэта: «...Простые движения... Простые движения...»

Финал получился скомканным. Фигня, а не финал.

Они еще полежали немного на холодном полу, прикасаясь друг к другу холодеющими пальцами. Алла по привычке поцеловала его в грудь, куда-то под правый сосок, а Егор ее – так же, по привычке, – в шею...

Они лежали и смотрели в потолок – два человека, обнимавшие пустоту.

Попрощались с торопливым облегчением.

Егор «держал марку», предлагая подбросить ее до дома, а Алла отказывалась, прижимая руки к груди, уверяя, что ей тут совсем рядом, буквально два шага...

Наконец он улыбнулся все той же безличной холодной улыбкой, бросил: «Ну, пока», сел в машину и уехал, оставив ее на тротуаре, растерянную и злую.

Сам Егор чувствовал себя полным идиотом.

Ехать домой после такого приключения хотелось еще меньше. Егор так резко рванул с места, что верная «Инфинити» едва не взмыла в воздух от неожиданности. Он проехал два квартала, угодил в пробку и злобно выругался. Впереди кто-то настойчиво гудел, нервничая, словно это могло что-то изменить. Наверное, торопился домой...

Егору торопиться было некуда.

Простояв четверть часа, он запоздало удивился, что за все это время ему так никто и не позвонил, а потом, выудив телефон из кармана, обнаружил, что тот выключен. Едва Егор нажал на кнопку, как сотовый заверещал и затрясся в истерике, выплюнув на дисплей список пропущенных сообщений и звонков. Пролистав их, Егор увидел, что час назад ему звонил отец.

Их отношения не клеились.

Александр Боталов никогда не был особо сговорчивым человеком, и, видимо, эту черту Егор унаследовал от него. После смерти матери Егор отстранился от отца, а тот перед сыном явно заискивал, не желая терять близкого человека в трудный момент. Боталов в данное время тяжело и мучительно разводился со второй женой, деля имущество, деньги на совместных счетах, бизнес и, что самое неприятное, десятилетнюю дочь Алису. Ни Александр, ни его жена Инна уступать не хотели ни в чем, вырывая друг у друга куски мяса острыми зубами, как южноамериканские рыбы-пираньи. Пираньи, как известно, охотятся стаей, вот и Александр с Инной тянули каждый в свою стаю союзников. Лучшими союзниками и соратниками были дети.

Алиса «делиться» на две семьи не желала и до сих пор наивно надеялась помирить папу и маму, несмотря на то что была девочкой умной и читала светскую хронику, которая с алчным наслаждением расписывала историю трещащего по швам брака Боталовых, роман Инны и фигуриста Евгения Романенко, «страдания» обманутого и покинутого Александра, которого уже два раза видели в обществе молодых красоток. Тем не менее во время редких встреч папы и мамы Алиса бегала то к одному, то к другому, с замирающим сердцем глядя на их ледяные лица и вздрагивая от холодного тона деловых разговоров. А Инна и Александр все «пилили» газеты, заводы и пароходы, сосредоточенно изучая документы. Про дочь в пылу споров они вспоминали, лишь когда заходил разговор об опеке. Алиса убегала к себе в комнату и редела, потому что ей всех было жалко, а еще потому, что Ритка Муромская в школе сказала ей гадость.

– Твои папа и мама тебя не любят. Они разведутся, а тебя спихнут в частную школу, – авторитетно заявила она.

– Почему в частную школу? – испугалась Алиса.

– Так всегда бывает. Вон у Женьки родители тоже развелись, а ее отправили в Лондон. Она там сидит одна, как дура, родителей только в скайпе видит. Они ей деньги шлют, но сами не приезжают. И с тобой так же будет.

– Почему? – повторила Алиса, готовая расплакаться.

– Потому что ты будешь мешать им строить новые отношения, – заученно сказала Ритка, которая обожала смотреть ток-шоу, где гламурная Аксинья Гайчук учила всех правильной жизни.

Алиса проревела все выходные, и по ночам, засыпая в своей комнате, перебирала события, нанизанные на одну нитку: папа с какой-то тетей на фото и мама с дядей Женей, уже не стеснявшаяся прилюдно обнимать и целовать его так, как раньше целовала папу. Запуганная и совершенно несчастная Алиса не знала, что делать, и льнула к Егору во время редких встреч.

Егор у отца появлялся редко, от разговоров уклонялся, да и вообще держался натянуто. К Инне он относился вполне дружелюбно, к сводной сестре – скорее равнодушно, участвовать в дележке имущества не хотел, оттого все попытки привлечь его на чью-либо сторону были тщетны.

Изучив еще раз список звонков и перечитав все сообщения, Егор нехотя позвонил отцу. Пока в трубке равномерно гудело, он поглядывал вперед, надеясь на то, что пробка вдруг рассосется. Но машины продвигались в час по чайной ложке. Наконец в трубке послышался щелчок и густой мужской голос сказал:

– Да?

– Пап, привет, ты чего-то хотел?

– Чего трубку не берешь? – недовольно спросил Александр.

– Да я телефон после эфира включить забыл. У тебя что-то срочное?

Боталов помолчал, а потом буркнул ворчливо:

– Что у меня срочного? Ничего такого. Что я, сыну позвонить не могу?

– Чего ж не можешь? Звони, – милостиво согласился Егор.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Александр помолчал, а потом спросил с явными подхалимскими нотками:

– Ты сейчас где?

– Домой еду. В смысле, пытаюсь ехать. Пробки. А что?

– Ничего. Заехал бы к старику, проведал. Вдруг мне стакан воды подать некому?

– Позвони в агентство, – посоветовал Егор насмешливо. – Тебе подберут вышколенный персонал. Они тебе поставят кулер у кровати, а красивая тайка будет подавать воду. Много воды! Литры!

– Почему тайка? – изумился Боталов.

– Они сейчас в моде. Их специально выписывают по каталогу. Не знал? Дороже, чем украинки, но экзотика всегда была в цене.

– Надо же, до чего дорос прогресс, – усмехнулся Боталов. – Нет, я, пожалуй, все-таки кровиночку попрошу об услуге. Так что, приедешь?

– Куда? – поморщился Егор. – За город? Так к тебе ехать два часа, а я устал и спать хочу.

– Почему за город? – удивился Боталов. – Я здесь, в центре. Приезжай, а? Коньячку хряпнем, за жизнь поговорим. У меня переночуешь, тебе всяко ближе будет на работу ехать. Чего тебе дома делать? Не семеро небось там по лавкам, да и не ждет никто особо. Или у тебя на сегодняшнюю ночь были... планы?

Планы. Егор хмыкнул.

Отец, который крыл матом персонал и не стеснялся посылать далеко и надолго ведущих политиков города, с сыном был деликатен, как с тургеневской девушкой. Он колебался, вспомнив, что все его... планы... уже свершились, а дома, кроме громадной холодной кровати, действительно никто не ждал.

Он порылся в кармане, вытащил сигареты и стал искать зажигалку, которая, как назло, куда-то запропастилась. От раздражения сразу стало жарко, а одежда стала душить, словно навалившийся медведь. Егор вывернул карман наизнанку, рассыпал по полу мелочь, начатую упаковку жвачки и какие-то сложенные вчетверо бумаги. Зажигалки не было. Курить захотелось еще сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.